

ПУБЛИКАЦИИ

В. Ю. КОНОНОВ, Л. Ю. ПОНОМАРЕВ
V. IU. KONONOV, L. IU. PONOMAREV

ГОНЧАРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВАРНАВИНСКОЕ-3 НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ КУБАНИ (по итогам работ на раскопе I в 2010 – 2011 гг.)

POTTERY COMPLEXES OF THE EARLY MEDIEVAL SETTLEMENT OF VARNAVINSKOYE-3 ON THE LEFT BANK OF THE KUBAN (based on the results of excavation I in 2010 – 2011)

В 2010–2011 гг. экспедиция ООО «Южно-Российский центр археологических исследований» под руководством В. Ю. Кононова провела охранно-спасательные раскопки поселения Варнавинское-3 в зоне строительства трассы «ВЛ 220 кВ Крымская – Вышестеблиевская» и «ВЛ 220 кВ Славянская – Крымская2». Поселение расположено в 1 км к северу от северо-западной окраины с. Варнавинское (Абинский район Краснодарского края, в 16 км к северо-востоку от г. Крымск) на правом берегу р. Сухой Аушедз (левый приток р. Кубань) в 1 км к югу от Варнавинского водохранилища (рис. 1, 1). Открыто оно было зимой 2009–2010 гг. В. А. Крутоголовенко, И. В. Озерским, И. С. Логиновым, А.А.Сазоновым в процессе разведок, проводившихся по трассе строящейся высоковольтной линии электропередач. На момент начала работ территория памятника была задернована, в 2011 г. – частично распахана под посевы. На поверхности встречались фрагменты керамики и костей животных.

В 2010–2011 гг. в пределах небольшого всхолмления в центральной части поселения на расстоянии 50 м друг от друга по линии запад – восток в створе линии электропередач было заложено два раскопа общей площадью 1792 кв. м. Раскоп I (западный) площадью 792 кв. м (рис. 1, 2; 2, 1, 2) и раскоп II (восточный) – 1000 кв. м. В пределах раскопа I (50–55×15 м) выделено три слоя: 1 – слой дерна (гумус с суглинком серого оттенка) толщиной 10–20 см (на отдельных участках перепаханный на всю глубину); 2 – слой суглинка серо-коричневого оттенка (культурный слой поселения) мощностью 45–60 см (на отдельных участках перепаханный на глубину до 20 см); 3 – материковая глина серо-желтого оттенка, залегающая на глубине 60–70 см (рис. 2, 3).

По итогам работ в раскопе I исследованы два гончарных комплекса, глинобитная бытовая печь, 60 хозяйственных ям и участки двух дренажных траншей, равномерно располагавшихся в его пределах (рис. 2, 1, 2). Все хозяйственные и производственные комплексы впущены в материк и датируются находками керамики VII–IX вв. В пределах этого периода некоторые, частично прорезавшие друг

друга ямы, а также одну из дренажных траншей и гончарные комплексы можно условно разделить на три хронологических (строительных) периода.

Гончарный комплекс № 1 (объекты 8–9) обнаружен в северной части раскопа в квадрате 3 и северной прирезке к квадратам 2 и 3. Он состоял из котлована заглубленной рабочей площадки с предгорновой ямой в центре и двумя ямами неизвестного назначения в южной части. Гончарная печь пристроена к северо-восточному углу котлована и частично выходила за его пределы (рис. 2, 2; 3, 1, 2).

Котлован рабочей площадки имел в плане форму, приближенную к прямоугольнику, ориентирован по длинной оси в направлении север – юг. Его длина – 5,50 м, ширина – 4,0 м, глубина – 0,40–0,50 м. Заполнен он суглинистой рыхлой супесью серого оттенка с примесью древесных угольков и золы. В центральной части котлована устроена предгорновая яма (яма № 1), благодаря которой обеспечивался свободный доступ воздуха в гончарный горн и куда выгребали остатки сожженного топлива. В плане она имела форму, приближенную к прямоугольнику, ориентирована по длинной оси в направлении СЗ–ЮВ. Стенки сужаются по направлению к дну. Ее размеры: длина – 3,30 м, ширина – 2,25 м, глубина у бортов – 0,20–0,34 м, в центре достигает 0,40 м. Дно с округлым углублением в центре размерами – 1,42 × 1,35 м, глубиной – 0,41 м и небольшими углублениями в северо-западном и юго-восточном углах «семечковидной» и сегментовидной формы, размерами 1,7 × 0,65 × 0,26 м и 0,63 × 0,31 × 0,12 м.

В юго-западной части котлована прослежена яма № 2 прямоугольной в плане формы, ориентированная по длинной оси в направлении север – юг. Ее размеры: длина – 1,75 м, ширина – 1,25 м, глубина – 0,38 м. Стенки сужаются в направлении дна, которое, в свою очередь, понижается к центру. В южной части котлована прослежена яма № 3 прямоугольной в плане формы, ориентированная по длинной оси в направлении запад – восток. Ее размеры: длина – 1,62 м, ширина – 0,87 м, глубина – 0,14 м. Стенки сужаются в направлении дна. Как и сам котлован, предгорновая яма № 1, ямы № 2 и № 3 были заполнены суглинистой рыхлой супесью серого оттенка с примесью древесных угольков и золы. Функциональное назначение ям № 2 и № 3 установить не удалось. В северной части котлована зафиксирована небольшая площадка (подход к загрузочно-разгрузочному устройству гончарной печи) размерами – 1,87 × 1,62 м и глубиной – 0,12 м.

Гончарная печь представляла собой двухъярусную конструкцию вертикального типа. Целиком сохранились два ее функциональных блока – топочный и тепловодно-разделительный. От обжигового блока уцелела только нижняя, врытая в материк, часть загрузочной камеры (рис. 3, 3–9). Топочный блок ориентирован по линии СВ–ЮЗ, устьем на юго-запад. В составе блока полностью сохранились три спецустройства: камера для размещения и сжигания топлива и камера для первичной концентрации тепла, которая, в свою очередь, имела устройство для распределения тепла по кольцевой траектории в виде опорного столба в центральной части.

Спецустройство для размещения и сжигания топлива – периферийного типа –

находилось к юго-западу от камеры первичной концентрации и распределения тепла и выходило устьем канала на дно рабочей площадки. Камера для сжигания топлива снаружи имела в плане трапециевидную форму и сохранилась практически полностью (за исключением края устья), в виде прямоугольного (с закругленными углами) канала длиной 0,70 м, высотой 0,35 м и шириной 0,42 м. На его дне по всей длине зафиксирован слой золы и частиц древесных углей толщиной до 5 см. Без видимого расширения, но с постепенным утолщением стенок, канал выходит в камеру для первичной концентрации и распределения тепла. Его стенки прокалились на всю толщину и приобрели в результате длительного температурного воздействия красный цвет.

Камера для первичной концентрации и распределения тепла имела в плане округлую форму. Ее диаметр – 1,55 м. Свод плоский. Дно вогнуто, слегка понижается к центру (вокруг опорного столба) и повышается в северо-восточной части. За счет перепадов уровней дна высота камеры вокруг опорного столба достигает 0,28 м, а в направлении северо-восточного борта уменьшается до 0,12 м. Стенки камеры имеют с внешней стороны углубления (для уменьшения объема камеры с целью концентрации тепла), разделенные «ребрами»-утолщениями, внутри которых были размещены теплопроводные отверстия¹. В центральной части камеры находился цилиндрический опорный столб, выполнявший, помимо этого, функцию обтекателя горячих газов (горизонтально-диагонального распределителя тепловой энергии по кругу). Высота столба – 0,30 м, диаметр – 0,30 м. Как и стенки камеры, его внешняя поверхность при длительном температурном воздействии приняла красный цвет, а внутренний монолит – серый оттенок. Внутренний объем камеры для концентрации и распределения тепла, как и канала камеры для сжигания топлива, был заполнен затечным суглинком.

Тепловодно-распределительный блок – плоский с двух сторон глиняный монолит диаметром 1,70 м и толщиной 0,38–0,43 м – представлен двумя спецустройствами: разделителем топочной и обжигательной камер (самим монолитом) и теплопроводными каналами – 14 цилиндрическими отверстиями, 10 из которых на равных расстояниях расположены по краям монолита, а 4 – в центре, образуя углы условного квадрата вокруг опорного столба. Диаметр отверстий составляет около 5 см, внутренняя их поверхность заглажена². Обжиговый блок сохранился частично в виде нижних участков стенок камеры для размещения изделий, предназначенных для обжига. В разрезе, расширяясь в нижней части и сужаясь кверху, она, вероятно, имела куполообразную форму. Верхняя ее часть с дымо-газоотводным и тяговым отверстием выполняла одновременно функцию загрузочно-разгрузочного устройства.

¹Они же могли служить своеобразными «ребрами жесткости», распределявшими нагрузку, размещенными сверху топливно-разделительного блока, обжигательной камеры и керамических изделий.

²В плите топливно-разделительного блока зафиксированы округлые в разрезе отверстия горизонтальных кротовых ходов, хорошо заметные на его стратиграфическом разрезе.

Нижняя часть камеры для обжига изделий имела в плане круглую форму. Ее диаметр на уровне тепловодно-распределительного блока составлял 1,50 м, на уровне верхних участков уцелевших стенок – 1,70 м. Стенки двухслойные, толщиной 5–6 см прослежены на высоту до 0,40 м. В отличие от топочной камеры, стенки камеры для обжига изделий по всей толщине имели серый оттенок, что было обусловлено воздействием гораздо более низких температур (исключительно горячих газов). Использовалась ли при ее сооружении в качестве каркаса плетеная конструкция из прутьев, неизвестно, поскольку их отпечатков на расслоившихся нижних участках стен выявлено не было.

На полу обжигательной камеры найдено скопление фрагментов сероглиняных лощеных кувшинов (рис. 3, 8, 9). Частично удалось реконструировать пять из них (рис. 4).

Сосуд № 1. Кувшин яйцевидной формы, одноручный, с сужающимся посередине и расширяющимся кверху горлом, завершающимся слабовыраженным венчиком с носиком-сливом. Высота кувшина – 38 см, диаметр венчика – 10 см (по линии носика-слива – 11 см), диаметр дна – 13 см. Тулово в средней части украшено четырьмя горизонтальными желобками, шейка – двумя желобками. Овальная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 4, 1).

Сосуд № 2. Кувшин яйцевидной формы, трехручный, с сужающимся посередине и расширяющимся кверху горлом, завершающимся слабовыраженным венчиком со слегка опущенным носиком-сливом. Высота кувшина – 41 см, диаметр венчика – 10 см (по линии носика-слива 13 см), диаметр дна – 15,4 см. Тулово украшено вертикальными полосами лощения, шейка – тремя горизонтальными желобками. Верхняя овально-уплощенная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу. Боковые ручки плавно изогнуты, овальные в сечении, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 4, 2).

Сосуд № 3. Кувшин яйцевидной формы, трехручный, с сужающимся посередине и расширяющимся кверху горлом, завершающимся слабовыраженным венчиком с носиком-сливом. Высота кувшина – 39 см, диаметр венчика – 12 см (по линии носика-слива – 13 см), диаметр дна – 12,6 см. Тулово украшено вертикальными полосами лощения, проведенными от горизонтального желобка, шейка – тремя горизонтальными желобками. Верхняя овально-подтреугольная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу. Боковые, овально-подтреугольные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 4, 3).

Сосуд № 4. Кувшин яйцевидной формы, трехручный. Верхняя его часть не сохранилась. Диаметр дна – 13 см. Тулово украшено вертикальными полосами лощения. Боковые овальные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову

в месте наибольшего диаметра. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей. Обжиг неравномерный, нижняя часть тулова серого оттенка, верхняя – с коричневыми пятнами. (рис. 4, 4).

Сосуд № 5. Кувшин яйцевидной формы, трехручный, с сужающимся посередине и расширяющимся кверху горлом, завершающимся слабовыраженным венчиком с расширяющимся носиком-сливом. Высота кувшина – 42,4 см, диаметр венчика – 14 см (по линии носика-слива – 16 см), диаметр дна – 11 см. Тулово украшено вертикальными полосами лощения, нанесенными ниже двух горизонтальных желобков, шейка – двумя горизонтальными желобками. Верхняя овально-уплощенная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу. Боковые овально-уплощенные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. В верхней части они украшены шипообразным выступом. Дно плоское. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 4, 5).

Помимо них, в обжигательной камере были найдены 5 фрагментов днищ и стенок с боковыми ручками еще двух трехручных кувшинов (рис. 4, 6–10), а к северу от печи – верхняя часть сероглиняного кувшина, вероятно, также трехручного. Его шейка украшена горизонтальным желобком, а тулово – горизонтальной и вертикальными лощеными линиями, прочерченными стеком. Ручка орнаментирована тремя такими же прочерченными стеком лощеными линиями (рис. 4, 11). Поскольку некоторые сероглиняные сосуды из печи имели неравномерный обжиг (с пятнами коричневого цвета), можно предположить, что процесс их обжига (в восстановительной среде) находился на финальной стадии, когда печь прекратила функционировать. Что произошло дальше, можно лишь гадать. Возможно, еще в процессе обжига произошло обрушение свода и стенок обжигательной камеры, после чего из нее были удалены обвалившиеся стенки и часть фрагментов расколовшихся кувшинов (из юго-западного сегмента). По всей видимости, ремонт горна был признан невозможным, оставшиеся в нем фрагменты сосудов (в северо-восточном сегменте) так и не были удалены. Гончарный комплекс был заброшен, а котлован рабочей площадки, превращенный в свалку бытового мусора, постепенно заполнился обломками керамики, костями животных, золистыми отложениями и натечным грунтом.

В заполнении котлована и предгорновой яме № 1 было обнаружено 637 фрагментов керамики – 8 фрагментов стенок гладкостенных красноглиняных амфор, в т.ч. ручка причерноморской амфоры с мелким зональным рифлением (рис. 5, 1), 117 фрагментов коричневоглиняных лощеных сосудов, 266 фрагментов сероглиняных лощеных сосудов, включая обломок трехручного кувшина, украшенного горизонтальными (врезными) и вертикальными полосами лощения (рис. 5, 2), 1 фрагмент стенки красноглиняного сосуда, покрытого белым ангобом, 1 фрагмент сероглиняной полусферической миски, украшенной вертикальными полосами лощения (рис. 5, 3) и 194 фрагмента лепных горшков (из них – 5 черноглиняных, 189 – коричневоглиняных) (рис. 5, 4–10). Венчик одного из горшков украшен «семечковидны-

ми» вдавлениями (рис. 5, 4). Тулово другого горшка – тремя рядами овальных вдавлений, а венчик – прямыми наклонными насечками (рис. 5, 6). Помимо керамики, были найдены 65 кусков глиняной обмазки гончарной печи, 34 куска керамического шлака, 1 обломок керамической плитки и 90 костей животных, в том числе 16 костей коровы, 7 костей свиньи, 3 кости барана, 1 кость лошади, остальные неопределенные. В заполнении ямы № 2 котлована рабочей площадки обнаружено 7 фрагментов коричневоглиняных лощеных сосудов, 11 фрагментов сероглиняных лощеных сосудов, 17 фрагментов лепных горшков (из них 5 – черноглиняных, 12 – коричневоглиняных) и 1 фрагмент красноглиняной амфоры. Помимо керамики, найдены 2 куска глиняной обмазки печи и 6 костей животных, в том числе лопатка коровы, остальные неопределенные. В заполнении ямы № 3 котлована рабочей площадки найдено 5 фрагментов керамики (3 сероглиняных лощеных сосуда и 2 лепных коричневоглиняных горшка) и 3 кости животных.

Что касается относительной хронологии гончарного комплекса № 1 и выявленных рядом с ним объектов, их можно разделить на три строительных периода. К наиболее раннему периоду на этом участке относится дренажная траншея (объект 5) длиной 29,50 м, шириной 1,0–1,50 м и глубиной 0,20–0,30 м, обнаруженная в северо-восточной части раскопа в квадратах 1–6³. В ее заполнении обнаружен развал лепного горшка и крышка, изготовленная из стенки сероглиняного лощеного сосуда.

Ко второму периоду относится прорезавший дренажную траншею котлован рабочей площадки гончарного комплекса. К третьему периоду – хозяйственная яма (объект 23), прорезавшая юго-восточный угол котлована рабочей площадки гончарного комплекса. В ее заполнении, помимо фрагментов лощеных сосудов и лепных горшков, были найдены обломок стенки красноглиняной амфоры, сероглиняная лощеная мисочка и обломок пряслица.

Гончарный комплекс № 2 (объекты 35, 36) расположен в западной части раскопа в квадратах 18, 19, 28, 29, в 22 м к юго-западу от гончарного комплекса № 1. Ориентирован он по длинной оси в направлении ЗЮЗ – ВСВ и состоял из котлована заглубленной рабочей площадки с предгорновой ямой в центре и гончарной печи, врезанной в восточный борт котлована и частично выступающей за его пределы (рис. 6, 1–8).

Котлован рабочей площадки имел аморфную в плане форму, приближенную к трапеции, ориентирован по длинной оси в направлении ЗЮЗ – ВСВ. Его размеры на уровне краев: длина 3,30 м, ширина 3,80 м в западной части и 2,40 м в восточной части. Глубина в западной и центральной части котлована – 0,65–0,77 м, а в восточной части за счет повышения уровня пола – 0,43 м. Стенки котлована наклонные,

³ Канавы не могла служить дренажным сооружением для гончарного комплекса [ср.: Плетнева, Красильников, 1990, с. 100, 102], поскольку уровень ее дна был гораздо выше уровня пола гончарной рабочей площадки и тем более уровня дна предгорновой ямы и топки печи.

сужаются в направлении дна. Заполнен он был суглинистой рыхлой супесью серого оттенка с примесью древесных угольков и золы. На уровне поверхности материка внутри котлована в виде золистого пятна размерами $1,20 \times 0,90$ м прослежено скопление кусков глиняной обмазки печи, костей животных и небольших фракций древесного угля. В центральной части котлована устроена предгорновая яма, благодаря которой обеспечивался свободный доступ воздуха в топочный блок гончарного горна и куда выгребали остатки сожженного топлива. В плане она имела аморфную форму, приближенную к трапеции, ориентирована по длинной оси в направлении ЗЮЗ – ВСВ. Стенки сужаются в направлении дна. Ее размеры на уровне горловины: длина – 2,34 м, ширина – 0,75–1,70 м, глубина – 0,40 м. Дно плоское. На уровне дна зафиксировано компактное скопление фрагментов сероглиняных лощеных сосудов, извлеченных из печи. В северный борт предгорновой ямы врезана овальная в плане яма-подбой размерами – $0,90 \times 0,60$ м и глубиной – 0,29 м. Ее функциональное назначение установить не удалось.

Размещение рабочей площадки комплекса в котловане (как и комплекса № 1) подразумевает наличие над ним какого-то навеса на опорно-столбовых конструкциях с облегченной крышей из природных материалов. В противном случае, котлованы рабочих площадок и гончарные печи периодически заливались бы дождевой водой. Однако вокруг котлованов ямок для столбов конструкции навесов зафиксировано не было.

Гончарная печь комплекса № 2 идентична по конструкции печи гончарного комплекса № 1. Целиком сохранились два ее функциональных блока – топочный и тепловодно-разделительный. От обжигового блока уцелела только нижняя, врытая в материк часть загрузочной камеры. Топочный блок ориентирован по линии ЗЮЗ – ВСВ, устьем топочного канала на ЗЮЗ. В составе блока полностью сохранились три спецустройства: камера для размещения и сжигания топлива и камера для первичной концентрации тепла, которая, в свою очередь, имела устройство для распределения тепла по кольцевой траектории, в виде опорного столба в центральной части. Спецустройство для размещения и сжигания топлива – периферийного типа – находилось к ЗЮЗ от камеры первичной концентрации и распределения тепла и выходило устьем на дно предгорновой ямы. Камера для сжигания топлива имела снаружи в плане трапециевидную форму и сохранилась практически полностью, в виде тела и прямоугольного в сечении канала длиной 0,70 м, высотой 0,35 м и шириной 0,44 м. На дне канала по всей длине зафиксирован слой золы и частиц древесных углей толщиной до 5 см. Расширяясь, с постепенным утолщением стенок, он выходил в камеру для первичной концентрации и распределения тепла. Его стенки прокалились на всю толщину и приобрели в результате длительного температурного воздействия красный цвет.

Камера для первичной концентрации и распределения тепла имела в плане округлую форму. Ее диаметр 1,80 м. Свод плоский. Дно в западной и центральной части (вокруг опорного столба) ровное, в восточной части повышается. За счет перепадов

уровней dna высота камеры в западной части и вокруг опорного столба составляет 0,35 м, а в восточной части уменьшается до 0,29 м. Стенки камеры имеют с внешней стороны углубления (для уменьшения объема камеры с целью концентрации тепла), разделенные «ребрами»-утолщениями, внутри которых были размещены теплопроводные отверстия. В центральной части камеры находился цилиндрический опорный столб, выполнявший, помимо этого, функцию обтекателя горячих газов (горизонтально-диагонального распределителя тепловой энергии по кругу). Высота столба – 0,40 м, диаметр – 0,37 м. Как и стенки камеры, его внешняя поверхность при длительном температурном воздействии приняла красный цвет, а внутренний монолит приобрел серый оттенок. Внутренний объем камеры для концентрации и распределения тепла, как и канала камеры для сжигания топлива, был заполнен затечным суглинком.

Тепловодно-распределительный блок – плоский с двух сторон глиняный монолит диаметром 1,90 м и толщиной 0,35-0,40 м представлен двумя спецустройствами: разделителем топливной и обжигательной камер (самим монолитом) и теплопроводными каналами – 16 цилиндрическими отверстиями, 12 из которых на равных расстояниях расположены по краям монолита, а 4 – в центре, образуя углы условного квадрата вокруг опорного столба. Диаметр отверстий составляет около 5 см, внутренняя их поверхность заглажена. Обжиговый блок сохранился частично в виде нижних участков стенок камеры для размещения изделий, предназначенных для обжига. В разрезе, расширяясь в нижней части и сужаясь кверху, она, вероятно, имела куполообразную форму. Верхняя ее часть с дымо-газоотводным и тяговым отверстием выполняла одновременно функцию загрузочно-разгрузочного устройства. Нижняя часть камеры для обжига изделий имела в плане круглую форму. Ее диаметр на уровне тепловодно-распределительного блока составлял 1,85 м, на уровне верхних участков уцелевших стенок – 2,0 м. Стенки двухслойные, толщиной 5–6 см, сохранились на высоту до 0,30 м. В отличие от камеры для сжигания топлива стенки камеры для обжига изделий по всей толщине имели серый оттенок, что было обусловлено воздействием гораздо более низких температур (исключительно горячих газов). Отпечатков плетеной конструкции из прутьев – основы-каркаса обжиговой камеры – на раслоившихся нижних участках ее стен не выявлено. Не зафиксированы они и на ее отвалившихся кусках.

На полу обжигательной камеры найдено скопление фрагментов лощеных сосудов – последней загрузки печи. В их числе оказались профильные обломки и стенки сероглиняных (167 фрагментов) и коричневоглиняных (недообожженных) кувшинов-пифосов (16 фрагментов). Здесь же была найдена верхняя часть сероглиняного лощеного пифоса (диаметр венчика 20 см), шейка и плечики которого украшены тремя горизонтальными рядами полуовальных вдавлений и тремя рядами «семечкообразных» вдавлений (рис. 7, 1). Помимо них, в камере оказались 60 кусков ее обрушившихся стенок. Когда печь была уже заброшена, а котлован рабочей площадки гончарного комплекса превратили в свалку бытового мусора, в заполнение камеры

попали 1 фрагмент красноглиняного кувшинчика с носиком-сливом, 4 фрагмента лепных коричневоглиняных кухонных горшков, 1 фрагмент стенки красноглиняной амфоры и 6 костей животных, в том числе лопатка свиньи.

Еще одно скопление сероглиняной лощеной посуды из последней загруженной в печь партии было зафиксировано в придонной части котлована рабочей площадки. Некоторые из них удалось реконструировать.

Сосуд № 1. Кувшин-пифос трехручный, с яйцевидным туловом. Сужающееся в средней части и расширяющееся кверху горло завершается слабовыраженным венчиком с вытянутым, слегка опущенным вниз носиком-сливом. Верхняя овально-уплощенная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу под горлом. Боковые овальные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно сосуда плоское. Высота – 57 см, диаметр венчика – 12 см, по оси носика-слива – 15 см, диаметр дна – 16 см. Стенки тулова украшены в нижней части вертикальными лощеными полосами, отделенными от средней части двумя горизонтальными желобками. Средняя и верхняя части тулова – вертикальными налепными валиками и лощеным сетчатым орнаментом. Горло украшено вертикальными полосами лощения, нижняя его часть – двумя горизонтальными желобками. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 7, 2).

Сосуд № 2. Кувшин-пифос трехручный, с яйцевидным туловом. Сужающееся в средней части и расширяющееся кверху горло завершается слабовыраженным венчиком с вытянутым и приподнятым вверх носиком-сливом. Верхняя овально-уплощенная в сечении ручка верхним концом крепилась к горлу под венчиком, нижним – к плечу под горлом. Боковые овальные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно сосуда плоское. Высота – 60 см, диаметр венчика – 14 см, по оси носика-слива – 18 см, диаметр дна – 15 см. Средняя часть тулова украшена вертикальными прямыми и волнистыми налепными валиками и лощеным сетчатым орнаментом. Верхняя и нижняя часть тулова – вертикальными полосами лощения, при этом средняя часть тулова отделена от нижней 4 лощеными горизонтальными желобками. Горло по бокам носика-слива украшено двумя вертикальными фигурными налестками. Нижняя часть – пятью горизонтальными желобками. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 7, 3).

Сосуд № 3. Кувшин-пифос трехручный, с яйцевидным туловом. Горло не сохранилось. Боковые овально-уплощенные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно сосуда плоское, с небольшим выступом по окружности. Сосуд сохранился на высоту – 46 см, диаметр дна – 16 см. Стенки тулова украшены в нижней части вертикальными лощеными линиями, отделенными от средней части двумя горизонтальными желобками. Средняя и верхняя части тулова украшены вертикальными волнистыми налепными валиками с насечками и лощеным сетчатым орнаментом. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 7, 4).

Сосуд № 4. Кувшин-пифос трехручный, с яйцевидным (более стройным) туловом. Горло не сохранилось. Боковые овально-уплощенные в сечении ручки плавно изогнуты, крепятся вертикально к тулову в месте наибольшего диаметра. Дно сосуда плоское. Сосуд сохранился на высоту 38 см, диаметр дна – 15 см. Стенки тулова украшены в нижней части вертикальными лощеными линиями, отделенными от средней части двумя горизонтальными желобками. Средняя и верхняя части тулова украшены вертикальными (прямыми и волнистыми) налепными валиками и лощеным сетчатым орнаментом. Тесто плотное, без видимых примесей (рис. 7, 5).

Помимо кувшинов-пифосов, в камере для обжига была найдена нижняя часть сероглиняного кувшина, украшенного в нижней части тулова вертикальными лощеными полосами, а в месте наибольшего диаметра – двумя горизонтальными лощеными полосами. Дно кувшина плоское. Тесто плотное, без видимых примесей. Обжиг сосуда не завершен – неравномерный, поверхность серого оттенка с коричневыми пятнами (рис. 7, 6). Поскольку некоторые из сосудов имели неравномерный обжиг (24 из 130 фрагментов с пятнами коричневого цвета), можно предположить, что, как и в случае с печью гончарного комплекса № 1, процесс обжига (в восстановительной среде) последней загруженной партии изделий не был полностью завершен. Гончарный комплекс № 2, как и комплекс № 1, был заброшен, а котлован его рабочей площадки, превращенный в свалку бытового мусора, постепенно заполнился обломками керамики, костями животных, золистыми отложениями и натечным грунтом.

В заполнении котлована рабочей площадки, помимо сосудов из последней загрузки печи (130 фрагментов) и 110 кусков стенок обжигательной камеры печи, найдено 52 фрагмента лепных коричневоглиняных и черноглиняных горшков (рис. 7, 7, 8) и 25 костей животных, в том числе 5 – коровы, 2 – свиньи, 1 – барана, остальные неопределенные.

Что касается относительной хронологии гончарного комплекса № 2 и выявленных рядом с ним объектов, их можно разделить на три строительных периода. К первому, наиболее раннему, на этом участке относится хозяйственная яма (объект 45), северный борт которой прорезала гончарная печь. В ее заполнении были найдены фрагменты столовых лощеных сосудов, лепных кухонных горшков, бронзовая ворварка и кости животных. Ко второму периоду относится гончарный комплекс № 2, а к третьему периоду – хозяйственная яма (объект 40), которая прорезала западный борт котлована его рабочей площадки. В заполнении ямы найдены фрагменты столовых лощеных сосудов, лепных кухонных горшков и кости животных.

К сожалению, находок с узкими датами в выделенных комплексах трех строительных периодов не оказалось, но в целом их можно датировать в пределах VII–IX вв. К этому же периоду относятся и все остальные исследованные в 2010–2011 гг. комплексы поселения Варнавинское-3. В 2015 г. на другом участке поселения были изучены слои римского времени и V–IX вв. Там же было открыто 21 захоронение середины V – первой половины VI в. и второй половины VI – рубежа VII–VIII вв. и одно погребение VIII–IX вв. [Суханов, Свиридов, 2018, с.114

– 129]. Что касается верхней хронологической границы исследованного в 2010–2011 гг. участка поселения, она нуждается в уточнении дальнейшими раскопками. В культурном слое и заполнении хозяйственных и производственных комплексов не было найдено ни одного фрагмента высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, датирующихся не ранее второй половины / третьей четверти IX в. [Науменко, 2009, с. 50–57]⁴. «Причерноморские» бороздчатые амфоры, доминировавшие в комплексах второй половины IX в. Сугдеи и поздних комплексах салтово-маяцких поселений Керченского полуострова и Юго-Восточного Крыма [Майко, 2004, с. 185; Науменко, 2009б, с. 46, тип II], были обнаружены только на раскопе II и представлены лишь несколькими фрагментами, включая две ручки. Помимо Крыма, они найдены на салтово-маяцких памятниках степной и лесостепной зон основного ареала салтово-маяцкой культуры. Одну из наиболее многочисленных категорий находок «причерноморские» бороздчатые амфоры составляют и на памятниках VIII–X вв. Таманского полуострова. Ареал их распространения охватывает также степное Предкавказье и Северо-Западный Кавказ, включая Карачаево-Черкесию и Абхазию, но здесь они встречаются гораздо реже и совершенно исчезают по мере продвижения к районам Центрального Кавказа [см. лит.: Супренков, Науменко, Пономарев, 2019, с. 220; Суханов, 2020, с. 166]. Массовое их использование в Таманском регионе наглядно иллюстрирует одна из ям, раскопанных на поселении Балка Лисовицкого-1, в которой было обнаружено 33 амфоры, уложенных в два яруса. К сожалению, комплекс подробно не был опубликован, но на общей его фотографии видно, что среди амфор верхнего яруса, за исключением одной глобулярной византийской, остальные относятся к причерноморским бороздчатым амфорам [Жупанин, Иванов, Кутуков, 2020, с. 293, рис. 4]. На исследованных в 2010–2011 гг. участках поселения Варнавинское-3 импортная транспортная тара представлена в подавляющем большинстве небольшим числом обломков гладкостенных красноглиняных и светло-коричневоглиняных амфор, в том числе с мелким зональным рифлением на плечиках – производившимися во многих средиземноморских центрах т. н. «глобулярными» амфорами первых десятилетий VII – конца VIII / середины IX в. и их крымскими вариациями второй половины VIII – первой половины X в. – «причерноморскими» амфорами с мелким зональным рифлением. Скорее всего, когда в оборот вошли «причерноморские» бороздчатые амфоры и высокогорлые кувшины с плоской ручкой, этот более ранний тип амфор стал выходить из массового употребления [Якобсон, 1979, с. 29–30, 32,

⁴ Они найдены на Таманском полуострове, в Абхазии, включая Анакопийскую крепость [см. лит.: Супренков, Науменко, Пономарев, 2020, с. 232], Среднем и Верхнем Прикубанье [Бонин, 2015, с. 323; Биджиев, 1979а, с. 39]. Причем на Хумаринском городище были найдены обломки стенок, покрытые «тонким слоем смоль» – отвердевшей битумообразной фракции перевозившейся и хранившейся в них нефти, добывавшейся в месторождениях Керченско-Таманского нефтегазоносного района [Биджиев, 1979б, с. 160; Кострин, 1965, с. 291–293; Кострин, 1967, с. 285–289; Винокуров, Пономарев, 2022, с. 147–148].

вариант 1, 3; Науменко, 2009б, с. 39–43; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, с.35–78; Голофаст, 2019, с. 39–40; Кузнецов, Голофаст, 2010, с. 416; Сазанов, 2016, с. 178; Нидзельницкая, 2009, с. 257–282; Нидзельницкая, Ильяшенко, 2007, с. 197–198; Голофаст, Евдокимов, 2019, с. 187–189; Науменко, 2020, с. 399–401; Суханов, 2017, с. 93, 95]. Что касается кружальных горшков салтово-маяцкого облика со сплошным или зональным горизонтальным и волнистым рифлением на корпусе, они на поселении Варнавинское-3 также обнаружены в очень небольшом количестве.

Таким образом, если на исследованных его в 2010–2011 гг. участках какие-то комплексы и «дожили» до IX в., то функционировать они, видимо, прекратили не позднее первой половины – середины этого столетия. Соответственно с учетом нижней хронологической рамки поселение можно отнести к предсалтовскому и салтово-маяцкому периодам, но какому из этнических компонентов этого региона – болгарам или аланам [Плетнева, 1997, с. 38–45] среди его жителей отводилось главенствующее место, установить пока не удалось. Решить эту задачу в дальнейшем, возможно, поможет некрополь поселения. На данный же момент из числа открытых в 2015 г. его погребальных комплексов V–IX вв. выделено только одно, очень плохо сохранившееся погребение VIII–IX вв. (объект 138), совершенное в грунтовой могиле. Погребенный был уложен на спине головой на восток. Погребальный инвентарь представлен лощеным кувшином, гладким бронзовым бубенчиком и Т-образной металлической подвеской, имеющими аналогии в салтово-маяцких погребальных комплексах (в том числе Таманского полуострова, левобережья и правобережья Кубани) и погребениях VIII–IX вв. могильника Дюрсо [Суханов, Свиридов, 2018, с. 120–121, рис. 8, Б, 10–13; Свиридов, Язиков, Суханов, 2019, с. 261, рис. 10, 3; 23, 4]. Восточная (восток – юго-восточная и северо-восточная) ориентировка погребенных зафиксирована для большей части ранних захоронений в грунтовых могилах могильника Казазово-1, датированных В. А. Тарабановым концом VII–IX вв. и связанных им с болгарским населением левобережья Кубани. В ногах у некоторых погребенных, как и в погребении могильника Варнавинское-3, были установлены лощеные сосуды [Тарабанов, 1983а, с. 150, 155; Тарабанов, 1983б, с. 95–97; Плетнева, 2000, с. 191].

Что касается функциональной нагрузки изученных комплексов, на исследованном раскопами I и II участках поселения не было открыто жилых построек (котлованов полуземлянок и остатков наземных сооружений) – только хозяйственные ямы и производственные (гончарные) комплексы. Такого рода хозяйственно-производственные участки зафиксированы и на других поселениях салтово-маяцкой культуры, в том числе в соседних регионах, к примеру, на поселении Гора Чиркова-1 (Таманский полуостров) [Супренков, Науменко, Пономарев, 2017, с. 236–280]. К сожалению, гончарные мастерские полностью не попали в пределы исследованной части поселения Варнавинское-3. На раскопе I на расстоянии 22 м друг от друга были обнаружены только две гончарные печи, пристроенные к заглубленным рабочим площадкам, большую часть полезной площади которых занимали предгорновые ямы. Где изготовлялись сами сосуды, а также складировались сырье (глина, приме-

си-отошители) и готовая формовочная масса, установить не удалось. Гончары, наверняка, должны были работать в каких-то постройках (заглубленных или наземных турлучных(?) сооружениях) или, по крайней мере, на открытых, но защищенных от дождя навесом, площадках, а сырье и формовочная масса, скорее всего, хранились в ямах⁵, но такого рода основные и вспомогательные производственные сооружения мастерских обнаружены не были, поэтому анализировать на данный момент можно лишь гончарные печи.

Согласно классификации А. А. Бобринского, печи поселения Варнавинское-3 относятся к классу печей с вертикальным ходом горячих газов (класс 1), а по особенностям движения газов в топочном блоке – к подклассу 2 – с периферийной топкой, вынесенной за пределы пространства, расположенного под теплопроводнораспределительным блоком [Бобринский, 1991, с. 96–97, 189]. Условно двухъярусные гончарные печи вертикального типа основного ареала салтово-маяцкой культуры и печи раннесредневековых поселений Северо-Западного Кавказа и Западного Предкавказья разделяются на две конструктивные группы: без опорного столба в топочном блоке и гораздо менее многочисленную – с центральным опорным столбом [Михеев, 1985, с. 83–84]. Среди ближайших к поселению Варнавинское-3 гончарных комплексов VII–IX вв., обнаруженных на окраине раннесредневекового поселения у станицы Змейской Кировского района Республики Северная Осетия-Алания, в одном из курганов могильника Общественный-I у станицы Мингрельской Абинского района Краснодарского края, в кургане у станицы Рязанской Белореченского района Краснодарского края [Ловпаче, 1995, с. 164, табл. LVI], в кургане могильника Холмский-25 у станицы Холмской Краснодарского края, на территории поселения Марьянское-1 у станицы Марьянской Красноармейского района Краснодарского края и на поселении Плетнёва балка у хут. Красная Звезда Новокубанского района Краснодарского края, зафиксирована такая же ситуация.

Только в одной из мастерской, открытой на окраине поселения у станицы Змейской (Кировский район Республики Северная Осетия-Алания), были раскопаны

⁵ Такие специализированные помещения (без обжиговых печей) были открыты на Дмитриевском поселении в верховьях Северского Донца [Плетнева, 1989, с. 55–60, рис. 24–25]. Яма с запасом глины обнаружена рядом с гончарными печами в урочище Роганина (бассейн Северского Донца) [Колода, 2001, с. 223, рис. 1,7]. В гончарных мастерских Дмитриевского поселения запас желтой и коричневой отмученной вязкой глины хранился внутри помещений. В одном из них ее складировали в «желобке» на полу, в другом, судя по круглой форме пласта глины, – в деревянной емкости типа «жбан» [Плетнева, 1967а, с. 54; Плетнева, 1989, с. 55, 57]. Слой «беловатой» глины обнаружен также в помещении гончарной мастерской Верхне-Салтовского городища [Бабенко, 1914, с. 468]. В помещениях мастерских Маяцкого поселения запас отмученной и обезжиренной глины хранился в «корытах». Одно из них было выдолблено в меловом полу помещения, два других – представляли собой прямоугольные емкости, сооруженные из дубовых плах или досок [Плетнева, Красильников, 1990, с. 95–96, 104]. Запас готовой формовочной массы – глины, смешанной с шамотом и жерствой, был обнаружен на полу полуземлянки, раскопанной на поселении близ с. Сухая Гомольша [Михеев, Дяченко, 1972, с. 277].

две гончарные печи, практически совершенно аналогичные по конструкции печам поселения Варнавинское-3. Они были врезаны в склон надпойменной террасы и пристроены к заглубленным рабочим площадкам. В их округлой в плане, поддерживаемой центральным опорным столбом плите тепловодно-распределительного блока (размерами 1,84 × 1,80 м и диаметром 1,6 м), было соответственно прорезано 16 и 17 цилиндрических отверстий (теплопроводных каналов), 12 и 13 из которых на равных расстояниях располагались по краям монолита, а 4 – в центре, образуя углы условного квадрата вокруг опорного столба. Что особенно интересно в этих печах, как и на поселении Варнавинское-3, также обжигалась сероглиняная лощеная керамика – пифосы-корчаги с двумя вертикальными ручками на тулове, трехручные кувшины-пифосы и кувшины. М. А. Бакушев датировал гончарные комплексы Змейского поселения VII – началом VIII в., опираясь в основном на хронологические рамки памятников, где были обнаружены аналогичные найденным в печах трехручные кувшины-пифосы [Бакушев, 2019, с. 95–116]. Группа погребений, открытых в 2013–2014 гг. на синхронном поселении могильнике, датирована VI–VII вв. [Бакушев, Фризен, 2016, с. 132–135].

Остальные обнаруженные в пределах этого региона гончарные печи относились ко второй группе – без центрального опорного столба в топочном блоке.

В 2013 г. В. Ю. Кононовым на территории меотского могильника IV в. до н. э. поселения Марьянское-1 в окрестностях станицы Марьянской Красноармейского района Краснодарского края раскопана гончарная печь VIII–IX вв., обращенная устьем топочного канала в предгорновую яму заглубленной рабочей площадки. В ее округлой в плане плите тепловодно-распределительного блока (диаметром 1,40 м) прорезано 5 теплопроводных каналов, из них один в центре, 4 – расположены по краям, образуя углы условного квадрата. В печи обжигались лощеные сосуды, в том числе двуручные корчаги. Фрагменты одной из них были зафиксированы в заполнении рабочей площадки. Материалы раскопок печи пока еще не опубликованы.

На поселении Плетнёва балка у хут. Красная Звезда Новокубанского района Краснодарского края в обрыве берега р. Кубань на расстоянии 2 м друг от друга раскопаны две гончарные печи, обращенные устьями топочного канала к сообщающимся между собой предгорновым ямам. В их округлых в плане плитах тепловодно-распределительного блока (диаметром 1,47 м и 1,18 м) прорезано 8 и 10 теплопроводных каналов, из них 7 и 9 по краям и по одному в центре. В печах обжигались кухонные кружальные горшки, котлы с внутренними ручками-ушками и, возможно, миски. Комплекс печей был отнесен к памятникам салтово-маяцкой культуры и датирован VIII–IX вв. [Голубев, Попик, 2005, с. 139–147].

В поле кургана 5 курганного могильника Холмский-25, оказавшегося на территории поселения Хабль-1 (в окрестностях станицы Холмской Краснодарского края), обнаружено еще две примыкавшие к заглубленным рабочим площадкам небольшие гончарные печи. В их округлых в плане плитах тепловодно-распределительного блока (размерами 0,84 × 0,83 м и 1,44 × 1,36 м) было, соответственно, прорезано 7

и не менее 6 теплопроводных каналов, из них 6 и 5 по краям и по одному в центре. В заполнении обжигательной камеры печи № 1 керамических изделий не оказалось, а в печи № 2 обжигали тарные и кухонные кружальные горшки, котлы с внутренними ручками-ушками и миски, имеющие массовые аналогии на всех памятниках (включая Северный Кавказ и Предкавказье) салтово-маяцкой культуры. Выявленные в кургане жилые, хозяйственные и производственные комплексы разделены на две хронологические группы, датированные в общих пределах VII–VIII вв. [Нечипорук, 2015, с. 187–202; Нечипорук, 2020, с. 402].

И наконец, в окрестностях станицы Мингрельская Абинского района Краснодарского края на территории курганного могильника Общественный-1 В.И.Мельником открыт крупный гончарный комплекс, состоявший из 7 двухъярусных обжигательных печей и двух одноярусных печей неизвестного назначения. Они располагались по кругу компактной группой на склонах холма («кургана 12») и занимали площадь около 50 кв. м. К сожалению, некоторые из них оказались частично разрушены. В их округлых в плане плитах тепловодно-распределительного блока было прорезано от 4 до 7 теплопроводных каналов по краям (иногда немного смещенных по направлению к центру) и по одному каналу – в центре. В печах обжигалась лощеная посуда серого и желтовато-коричневого оттенка. В отчете о раскопках автор датировал ее X–XI вв., но сами печи, по его мнению, были «генетически связаны с салтовскими». В целом же вопрос о хронологических рамках комплекса был оставлен открытым [Мельник, 1986].

Крупные производственные гончарные центры VII–VIII вв. с печами без центрального опорного столба в топочном блоке открыты в Дагестане на Андрей-аульском и Верхнечирюртовском городищах [Магомедов, 1983, с. 108; Мамаев, 1974, с. 173].

В пределах основного ареала распространения салтово-маяцкой культуры (Нижнего, Среднего и Верхнего Подонья) гончарных комплексов выявлено гораздо больше [Плетнева, 2003а, с. 200, рис. 24]. Как и в Предкавказском и Северо-Кавказском регионах, здесь преобладали двухъярусные печи без центрального опорного столба в топочном блоке.

Среди них отметим гончарный комплекс из 4-х печей с предгорновыми ямами в урочище Роганина в верховьях р. Бишкин (правый приток Северского Донца), обжигавших горшки и датированных IX в. [Колода, 1992, с. 127–128; Михеев, Колода, 1992, с. 134–140; Колода, Колода, 2000, с. 117–119; Колода, 2001, с. 219–232]. Примерно в 2 км к северу от Саркельского городища на берегу р. Дон в 1950–1951 гг. было открыто 23 печи. К сожалению, они имели плохую сохранность, но в целом, видимо, отличались большими размерами. Диаметр их топок составлял около 2 м, а диаметр теплопроводных трубок – 15 см. Ассортимент их продукции установить не удалось [Раппопорт, 1959, с. 19, 21; Ляпушкин, 1958б, с. 105]. В этом же районе А. А. Миллером в 1927 г. была раскопана еще одна печь [Миллер, 1927, с. 110, рис. 17; Артамонов, 1935, с. 73]. В нижнем течении Дона гончарная печь раскопана на

Втором Крымском городище у хутора Крымский [Савченко, 1986, с. 70]. Однотипные печи исследованы в бассейне р. Оскол на II Ютановском пункте древней металлургии, селищах Ютановка-2, Столбище-1 и Столбище-2 [Николаенко, Сарапулкин, Степовой, Пашнев, 2006, с. 35–37; Афанасьев, 1987, с. 83–84, рис. 50–51; Николаенко, Степовой, 2005, с. 28–39]⁶, на Верхне-Ольшанском городище [Якименко, 1994, с. 51–66; Сарапулкин, 2003, с. 141–144, рис. 67; 68], Сидоровском городище [Кравченко, Давыденко, 2001, с. 236, рис. 6; 7; Кравченко, 2011, с. 277, рис. 1, 4; Кравченко, 2020, с. 74, 238, рис. 114], на городище Мохнач [Колода, Квитковский, 2009, с. 175, рис. 5; Колода, 2010, с. 149–163] и Верхнесалтовском селище [Афанасьев, 2013, с. 17]. Три печи в 1951 г. открыты И. И. Ляпушкиным на поселении близ станицы Суворовской на р. Дон. Около печи № 2 был найден слегка деформированный разбитый лощеный кувшин, по мнению И. И. Ляпушкина – производственный брак [Ляпушкин, 1958а, с. 331–336, рис. 11–15; Ляпушкин, 1958б, с. 104–105]. В 2011–2012 гг. на этом же поселении были раскопаны еще две гончарные печи без опорного столба и с общей для них рабочей площадкой. В них обжигали лощеную и нелощеную кухонную и тарную керамику [Кияшко, 2013, с. 363–364; Кияшко, 2016а, с. 14–24; Кияшко, 2016б, с. 67–75; Кияшко, 2016в, с. 137–140]. Гончарная мастерская с пятью гончарными печами исследована К. И. Красильниковым на берегу р. Деркул (левый приток Северского Донца) у с. Подгаевка. Специализировалась она на изготовлении тарных и кухонных горшков и котлов с внутренними ручками-ушками [Красильников, 1976, с. 267–278]. Две гончарные мастерские К. И. Красильников раскопал на поселении Новолимаревка-I на р. Деркул [Красильников, 1981, рис. 8, 3; Красильникова, 2010, с. 175, рис. 2, 1, 2; Красильников, 1979, с. 80, 84]. Еще одну мастерскую с пятью печами он обнаружил на берегу р. Евсуг у с. Рогалик. В ней изготавливали тарные и кухонные горшки [Красильников, 1980, с. 60–69]. Похожая по конструкции печь исследована на поселении у с. Жовтневое на берегу р. Оскол [Пархоменко, 1985, с. 88–89, рис. 2, 2]. Наиболее крупный гончарный центр (по сути изолированный специализированный район) в лесостепной части основного ареала распространения салтово-маяцкой культуры открыт на северо-восточной окраине Маяцкого поселения. В пределах его раскопанного участка на площади 330 кв. м были зафиксированы 4 мастерские с 4 гончарными печами без центрального опорного столба. Они изготавливали кухонную посуду (горшки и котлы с внутренними ручками-ушками) и лощеную – столовую и тарную керамику (пифосы, корчаги, кувшины-пифосы, кувшины, кубышки, кружки и др. сосуды и изделия, в том числе крышки) [Плетнева, Красильников, 1990,

⁶ Кроме того, на II Ютановском пункте черной металлургии обнаружены три гончарные мастерские без печи для обжига. В мастерской № 1 зафиксированы две ямы. Одна из них с конусовидным отверстием интерпретирована как место установки гончарного круга. Вторая – как «лоток» для замеса глины [Николаенко, Гребенюков, Сарапулкин, 2001, с. 230–232]. В гончарной мастерской № 3 выявлены площадка с ямами для осей трех гончарных кругов и углубление-лоток в полу с формовочной массой [Степовой, 2018, с. 356–360].

с. 92–139; Винников, Плетнева, 1998, с. 147–157, рис. 55–63; Плетнева, 2000, с. 59]. Еще одна печь была позднее открыта на самом Маяцком селище. В ней обжигалась кружальная кухонная посуда, составлявшая 81,5% керамического брака, найденного в котловане гончарного комплекса (постройка 52), предгорновой яме и в топке печи [Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999, с. 113–116, рис. 7; Лопан, 2001, с. 107, рис. 2, 3–15; 3, 1–15, 4, 2–4].

Такие же печи выявлены и на поселениях Днестро-Дунайского междуречья. Одна из них открыта на поселении у с. Богатое в дельте Дуная. В ней обжигалась керамика салтовского облика. По мнению А. Т. Смиленко, мастерская специализировалась преимущественно на изготовлении столовой лощеной посуды (в основном горшков) и отчасти – кухонных горшков, возможно также котлов с внутренними ручками-ушками и маслостоек. Само же поселение исследовательница датировала IX – началом X в. и отнесла к салтово-маяцкому кругу древностей (со славянским компонентом), связав его появление с продвижением в начале IX в. болгар на нижний Днестр и в Дунайскую Болгарию [Смиленко, 1991, с. 169–170; Смиленко, Козловский, 1987, с. 112–120, рис. 11; 12; Смиленко, 1988, с. 73–78; Козловский, Симонова, Смиленко, 1996, с. 158–159]. Остальные выявленные в этом регионе печи без опорного столба в топочном блоке относятся к более позднему периоду и к иной этнокультурной среде [Тельнов, Чеботаренко, 1988, с. 72–76; Чеботаренко, 1983, с. 183–192; см. лит.: Рабинович, 1991, с. 105]. Однотипные печи VIII–IX вв. и IX–X вв. выявлены и на территории Болгарии [см. лит.: Рабинович, 1991, с. 106].

Печи с центральным опорным столбом в топочном блоке обнаружены пока только на одном памятнике салтово-маяцкой культуры – около крепостного рва юго-западной стены Саркельского городища. В печи № 1 столб был обычной конструкции – в виде глиняного монолита, а в печи № 2 – сложен из кирпичей и обмазан глиной. Вокруг печи № 2 найдено большое количество фрагментов бракованных сосудов – горшков с врезным линейно-волнистым орнаментом. С. А. Плетнева датировала оба комплекса не позднее 30-х гг. IX в. [Артамонов, 1958, с. 40, рис. 24; Плетнева, 1996, с. 75–78, рис. 29]. Появление в Саркеле печей с опорными столбами И. И. Ляпушкин счел заимствованием, сопоставив их сооружение с пребыванием здесь византийских мастеров, строивших крепость. В качестве же ближайших им конструктивно близких аналогий он привел раннесредневековые печи Крыма [Ляпушкин, 1958б, с. 128]. Однако его точка зрения была ошибочной, поскольку салтово-маяцкие и крымские печи VIII–X вв. имели разительные отличия [Афанасьев, 1987, с. 87; Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001, рис. 3; 6; 7; 9; 16, 17; 22; 24; 25; 30; 33; 34; 36; 38; 41]. Нельзя, на наш взгляд, согласиться и с мнением Г. Е. Афанасьева, согласно которому бесстолбовые печи лесостепной и степной зоны салтово-маяцкой культуры были генетически связаны с Северным Кавказом, а печи с центральным опорным столбом Саркела и Канцерской балки в Поднепровье «продолжали северопричерноморскую традицию античного времени» [Афанасьев, 1987, с. 87; ср.: Колода, 2013, с. 153, прим. 1]. Если в отношении печей типа балки Канцерка (вторая половина VII в.–

начало VIII в.) наличие столба пытались объяснить наследованием гончарных традиций населения ареала распространения черняховской культуры [Сміленко 1975, с. 146–147]⁷, то каким образом традиции античного времени могли быть сохранены и воплощены строителями Саркельских печей, не совсем ясно, пусть даже это были и византийские мастера, приглашенные строить в Саркел крепостные сооружения [Ляпушкин, 1958б, с. 128].

Как нам кажется, деление гончарных печей по принципу наличия или отсутствия опорного столба в топочном блоке, скорее всего, не имеет в своей основе этнической и региональной составляющей. К пониманию необходимости включения столба в конструкцию печи (с учетом качества использовавшейся при ее строительстве глины) мог прийти любой опытный мастер, поскольку при достаточно большом диаметре обжигательной камеры и значительном весе обжигавшихся в печи сосудов увеличивать толщину теплопроводно-распределительного блока можно было лишь до каких-то хорошо известных пределов, скорее всего, неоднократно выверенных на практике. Устройство столба под ним в таком случае оставалось единственным возможным конструктивным выходом, без него он бы рухнул под собственным весом и весом сосудов уже при первом обжиге. К такому же выводу, видимо, пришли и гончары поселения Варнавинское-3, поскольку диаметр теплопроводно-разделительных блоков печей, в которых должны были обжигаться крупногабаритные и значительные по весу сосуды, составлял 1,7 и 1,9 м. Преобладание же бесстолбовых гончарных печей, диаметр которых в основном не превышал 1,5 м и в которых обжигались небольшие сосуды, объясняется их большей востребованностью в силу небольших размеров (достаточных для небольших партий изделий) и пониженными к ним технологическими и конструктивными требованиями, как при сооружении, так и текущем обслуживании, включая мелкие ремонты. Определенную роль могло также играть качество глины – основного строительного материала печей и плотность грунта, в который они были врезаны [ср.: Володарець-Урбанович, 2013, с. 163].

Что касается последней обжигавшейся в гончарных печах поселения Варнавинское-3 партии сосудов, в печи № 1, помимо одноручного кувшина, оказались трехручные сероглиняные лощеные кувшины высотой 38, 39, 41, 42,4 см. В

⁷ По мнению большинства исследователей, печи типа балки Канцерка были оставлены небольшой группой алан, переселившихся с Кавказа, поэтому, по мнению Я. А. Володарца-Урбановича, у них нет никакого генетического родства с похожими по конструкции печами черняховской культуры. В одной из своих публикаций он предположил, что на Северном Кавказе гончарные печи, генетически близкие Канцерским, должны были быть, но пока еще не обнаружены [Володарець-Урбанович, 2011, с. 40]. Он оказался совершенно прав, к настоящему времени они открыты уже на двух памятниках – поселениях Варнавинское-3 и у станции Змейской. И это речь идет только об опубликованных комплексах, возможно, есть и другие, пока еще не изданные, тем более что изучение раннесредневековых поселений Северного Кавказа и Предкавказья в последние два десятилетия в значительной степени активизировалось, в основном, по причине реализации масштабных строительных проектов и проведения охранно-спасательных раскопок на попавших в зону строительства археологических объектах.

печи № 2, помимо найденной в ней верхней части лощеного пифоса (корчаги), в последнюю (или последние) загруженную партию изделий попали сероглиняные лощеные сосуды высотой 57 см и 60 см с тремя ручками и носиком-сливом, одновременно напоминавшие кувшины и пифосы, которые были обнаружены в виде компактного скопления обломков в заполнении рабочей площадки.

В научных публикациях сосуды гибридной формы, совмещающие морфологические признаки одноручных кувшинов с носиком-сливом и небольших пифосов (корчаг) с двумя вертикальными ручками на тулове, именуется по-разному – кувшинами-пифосами, пифосами-кувшинами, трехручными кувшинами, кувшинообразными сосудами, пифосообразными сосудами, трехручными пифосами-кувшинами, полупифосами-полукувшинами, пифосами, пифосами с узким горлом кувшина и порою, даже очень неудачно, – горшками-корчагами. Таким образом, в их условные названия были заложены морфологические признаки (форма, размеры и соотношение высоты и максимального размера тулова) и попытки осмысления функционального назначения. Не совсем понятна, к примеру, классификация керамики печей типа балки Канцерки, в которой большие трехручные кувшины-пифосы отнесены к группе «тарных» сосудов, а корчаги – к группе «посуды для хранения» [Володарец-Урбанович, 2011, табл. на с. 128]. В статье, посвященной керамическому комплексу Саркела, С. А. Плетнева отнесла трехручные кувшины-пифосы к категории столовой керамики [Плетнева, 1959, с. 217, рис. 6, 2]. В одной из более поздних совместных публикаций исследовательница причислила их вместе с лощеными пифосами к разряду тарных сосудов [Винников, Плетнева, 1998, с. 153], а в другой близкой ей по времени статье оговорила, что богато украшенные «безусловно великолепные большие нарядные сосуды» (пифосы и кувшины-пифосы) «не были обычной хозяйственной принадлежностью. Это была парадная посуда, подававшаяся к столу с вином или брагой» [Плетнева, Красильников, 1990, с. 113]. Согласно В. С. Флерову, трехручные кувшины – это одна из разновидностей сосудов для хранения жидкостей [Флеров, 1981, с. 177]. Учитывая их размеры, объем, наличие дополнительных боковых ручек, толщину черепка (иногда до 1,1–1,4 см), а также свойственный для некоторых из них богатый декор, представляется совершенно справедливым, что подобного рода изделия в зависимости от размера, формы и насыщенности разнообразными элементами декора могли использоваться как тарные, так и столовые изделия⁸. По мнению Д. С. Соловьева и С. А. Котенькова, трудоемкие в изготовлении лощеные, богато орнаментированные кувшины-пифосы имели высокую стоимость и изготавливались «исключительно на заказ», при этом они апеллировали предложенной А. Л. Якобсоном схеме изготовления и реализации таких крупных сосудов, как

⁸ Что касается наличия у этих сосудов двух дополнительных ручек на тулове, в начале XX в. П. С. Уварова высказала предположение, что они предназначались для их подвешивания [Уварова, 1900, с. 325]. Этнографически подобные примеры широко известны, сосуды нередко подвешивались на кожаных ремешках, но подобного рода практика возможна лишь для небольших кувшинов.

пифосы [Соловьев, Котеньков, 2022, с. 309]. Однако с этим утверждением трудно согласиться, поскольку в работах А. Л. Якобсона речь идет исключительно о крымских и византийских (со ссылкой на «Геопоники») мастерских и изготовлявшихся в них пифосах большого размера, для которых приходилось каждый раз строить новую обжигательную камеру [Якобсон, 1979, с. 38]. В отношении же кувшинов-пифосов таких проблем не возникало, как показали результаты раскопок печи № 2 поселения Варнавинское-3, в нее можно было загрузить несколько таких сосудов. Что касается схемы их реализации, она, надо думать, была комбинированной – какая-то часть сосудов изготовлялась на заказ, а какая-то – на продажу (или товарный без денежного эквивалента обмен) обезличенным потребителям. В любом случае работавшие, скорее всего сезонно, гончарные мастерские поселения Варнавинское-3 не могли произвести большого количества однотипных изделий, к тому же нам вряд ли когда-то станет известен еще один такой важный для понимания схемы реализации гончарной продукции маркер, как количество мастерских, одновременно работавших на этом поселении и прилегающем к нему регионе.

Появились трехручные кувшины и кувшины-пифосы в IV–V вв. в Центральном Предкавказье (Верхнем Прикубанье и Северной Осетии) [Минаева, 1961, с. 123–124, рис. 3]. К VII в. ареал их распространения охватил Западное и Восточное Предкавказье. Зафиксированы находки таких сосудов в это время в Среднем Поднепровье и Поворсклье (печи типа балки Канцерка). После переселения в 40-е гг. VIII в. части алан в Донецко-Донское междуречье они распространились в пределах основного ареала салтово-маяцкой культуры и производились здесь до конца IX – начала X в. [Плетнева, 1967б, с. 121–122, тип Е; Флеров, 1981, с. 177–178, рис. 5; Сарапулкин, 2010, с. 31]. Возможно, их изготовляли и в других регионах Хазарского каганата, в частности в нижнем Поволжье.

К числу наиболее ранних их форм можно отнести сосуд из кургана 3 аланского могильника Брут-1 в Северной Осетии первой половины – середины V в. [Габуев, 2014, с. 16–17, рис. 16, 2; 65, 3], необычный по конфигурации ручек сосуд из Гилячского могильника IV–V вв. в Верховьях Кубани [Минаева, 1951, с. 286, рис. 13, 5] и сосуды из катакомб 14, 17 могильника Байтал-Чапкан IV–V вв. на водоразделе р. Кубань и р. Малый Зеленчук в Карачаево-Черкесии [Минаева, 1950, с. 220, рис. 23; Минаева, 1971, рис. 36, 1]. Очень похожий кувшин найден в погребении 1 могильника Мирный-2 в Кисловодской котловине. Датируется комплекс 430/470 – 530/570 гг. [Мастыкова, 2013, с. 142, рис. 7, 2]. Из раскопанных катакомб аланского могильника Мокрая Балка первой половины V – первой половины VIII в. в Кисловодской котловине происходит 6 различных по форме и орнаментации трехручных «кувшинов». Один – из катакомбы I хронологического этапа, еще один – из катакомбы II переходного этапа (конец VI – середина VII в.) и 3 – из катакомб III этапа [Афанасьев, 1980, с. 59, рис. 1, 2–6; Малашев, 1996, с. 152, рис. 84, 5; 85, 32, 33в; Малашев, 2001, с. 9, рис. 7, 1; 11, 1; 21, 1; 28, 1; 30, 8; 50, 118; 51, 117, 21; 52, 82, 11-к; Гавритухин, Малашев, 1998, с. 31, 85, 86, рис. 12; 13]. Проанализировав керамику из могильни-

ков Кисловодской котловины и Верхней Кубани, В. Ю. Малашев отметил, что именно для них преимущественно характерен такой тип декора, как наклепные валики [Малашев, 2001, с. 9], зафиксированные и на кувшинах-пифосах из печи № 2 поселения Варнавинское-3. Найдены трехручные кувшины в могильнике Клинь-Яр III в Кисловодской котловине, один – в катакомбе № 1 второй половины VI в., другой – в дромосе № 8 (без катакомбы) второй четверти – конца VII в. [Малашев, 2000, рис. 7, 2; Флеров, 2000, с. 33, 55, рис. 46, 1; 47, 5]. В Северной Осетии несколько сосудов, найдено в одной из гончарных печей поселения у станицы Змейской, датированных VII – началом VIII в. [Бакушев, 2019, с. 107, 113, рис. 14, 1, 2; 15, 1], еще два – в катакомбах могильника Камунта VI–IX вв. [Уварова, 1900, с. 325, табл. СХХIX, 13] и могильника V–VIII вв. у с. Хазнидон [Кузнецов, 1973, рис. 3, 16]. Трехручный кувшин найден на Верхнечирюртовском городище VI–VIII вв. в Дагестане [Магомедов, 1983, с. 118–119]. Иногда ручки на таких кувшинах, к примеру из аула Красный Восток в Карачаево-Черкесии, были очень небольших размеров и имели, по существу, декоративный характер [Биджиев, 1993, рис. 41].

Производились такие сосуды и в гончарных центрах типа Канцерской балки второй половины VII – начала VIII вв. (печах в балке Канцерка в Среднем Поднепровье и урочище Таранов яр у с. Мачухи в Поворсклье), появление которых большинство исследователей связывает с группой алан, переселившихся с Северного Кавказа. Здесь они оказались в этнически чужом для них окружении, но сумели сохранить традиционные гончарные технологические приемы, свойственные им формы сосудов и их орнаментацию. Большая часть продукции печей типа балки Канцерки соотносится с керамикой периода IIIб (около 650 – 680/720 гг.) могильника Мокрая Балка [Сміленко, 1975, с. 118–157; Брайчевська, 1961, с. 117, рис. 4; Мінаєва, 1961, с. 119–121, 128, рис. 2, 1; Кузнецов, 1992, с. 140–141; Володарець-Урбанович, 2012а, с. 135; Володарець-Урбанович, 2012б, с. 94–97; Володарець-Урбанович, 2014а, с. 51; Володарець-Урбанович, 2014б, с. 327; Макаренко, 1911, с. 117–118, рис. 98; Комар, 2018, р. 54, fig. 8, 2; Обломский, Родинкова, 2014, с. 392; Малашев, 2001, с. 48; Айбабин, 2009, с. 76, 80, 81, рис. 4, 1, 2, 4)⁹.

Три разномерных и различных по форме и декору трехручных кувшина оказались среди погребального инвентаря Галиатского склепа 1935 г. второй / третьей четверти VIII в. [Крупнов, 1938, с. 115; Кузнецов, 1962, рис. 35; Кадиева, 2012, с. 100–111]. Еще один кувшин найден в одном из склепов Джагинского скального могильника конца VII – первой половины VIII в. в окрестностях Кисловодска [Рунич, 1971, с. 169, 171, рис. 4, 3]. Отмечены их находки на Агачкалинском поселении, Верхнечирюртовском городище VII–IX вв. в Дагестане [Гмыря, 1984, с. 81;

⁹ Вероятно, к таким же кувшинам могла принадлежать часть фрагментов сероглиняной лощеной керамики с характерным для «канцерской» керамики орнаментом, найденных в юго-западном углу Вознесенского поминального комплекса первой четверти VIII в. в Среднем Поднепровье [Гринченко, 1950, с. 58; Брайчевська, 1961, с. 117–118; Амброз, 1982, с. 205, рис. 1, д].

Соловьев, Котеньков, 2022, с.308], на поселении Аlikононовское-1 в Кисловодской котловине [Афанасьев, 1975, с. 58, рис. 4, 5] и на Хумаринском городище VIII–X вв. в Верхнем Прикубанье [Биджиев, 1979а, с. 45, рис. 11; 11а; Биджиев, 1979б, рис. 4; Биджиев, 1982, с. 102; Биджиев, Соголайнен, 1982, с. 118, рис. 2, 4; Биджиев, 1983, с. 69, рис 44, 4].

На Таманском полуострове место находки одного кувшина-пифоса, найденного вместе с двумя причерноморскими амфорами, неизвестно [Плетнева, 1959, с. 217, прим. 10], другой найден в слое VIII–X вв. Фанагории [Атавин, 1992, с. 180, 197, рис.6, тип 2; Плетнева, 2003б, табл. 71, 14; Чхаидзе, 2012, с. 179, рис. 119, 6].

Один такой же сосуд высотой 60 см найден в Саркеле. С. А. Плетнева атрибутировала его как «специальный пифос для жидкостей» [Плетнева, 1959, с. 217–218, рис.6, 2]. В виде обломков их находки зафиксированы на Правобережном Цимлянском городище [Плетнева, 1994, с. 329, 395, рис. 58, 7, 8]. Два кувшина-пифоса, один из них высотой 70 см, происходят с Карнауховского поселения. Как отметил И. И.Ляпушкин, эти «кувшинообразные сосуды» («трехручные кувшины») были наиболее крупными, из известных ему в составе керамического комплекса салтово-маяцких поселений, имели широкое распространение в быту, предназначались для хранения продуктов и изготовлялись из плотной глины с примесью дресвы, приобретшей после обжига черный, красный цвет или серый и светло-коричневый оттенок [Ляпушкин, 1958б, с. 112–114, рис. 8; Ляпушкин, 1958в, с. 273–274, 283–285, рис.13; 25; 26]. Богато украшенный лощеный кувшин-пифос с немного приподнятым носиком-сливом найден в одном из жилищ Сидоровского городища на р. Северский Донец [Кравченко, Петренко, 2010, с. 42; Кравченко, 2020, с. 103, рис. 189]. В гончарных мастерских Маяцкого селища изготовлялись два варианта кувшинов-пифосов, отличающихся формой и размерами горла [Плетнева, Красильников, 1990, с. 113–114, рис. 15, в, г; 16, в–е; Винников, Плетнева, 1998, с. 153–155, рис. 61, Г, Д; Комар, 2018, р. 54, fig. 8, 5]. Известны их находки также на городище, селище и могильнике Маяцкого археологического комплекса [Михеев, 1985, с. 124, рис. 15, 19; Ходжайов, Швецов, Ходжайова, Фризен, 2012, с. 134, рис. 13, 3; 15, 1; Кравченко, Петренко, 2008, с. 40, 43], «могильнике № 2» у с. Маяки [Кравченко, 2022, с. 64, рис.3, 4] и на Верхне-Салтовском городище [Бабенко, 1907, с. 396, рис. 111; Брайчевська, 1961, с.118]. Три подобных сосуда найдены в ямках-грознях Дмитриевского могильника [Плетнева, 1967б, с. 122, рис. 31, 1; Плетнева, 1989, с. 138–139, рис. 77; 79]. В.А.Сарапулкин разделил трехручные «пифосы-кувшины» с Дмитриевского могильника и Маяцкого археологического комплекса на два типа – короткогорлые и длинногорлые [Сарапулкин, 2003, с. 51, рис. 38, 3–5]. Небольшой трехручный лощеный кувшин с носиком-сливом и декоративным налепом на верхней ручке найден на поселении Новолимаревка-1 в степном Подонцовье [Красильников, 2009а, с. 108, тип Т, рис. 9, 2; Красильников, 2009б, с. 381–382, рис. 6, 27]. Два морфологически близких кувшинам-пифосам сосуда, но без следов лощения и принявших после обжига красный цвет, обнаружены на салтово-маяцком поселении Бараний Бугор

в дельте Волги (Камызякский район Астраханской области). Датированы они были концом IX – началом X в. Судя по найденному керамическому шлаку и производственному браку, здесь же они и производились [Соловьев, Котеньков, 2022, с. 303–307, 309, рис. 1; 2]. Красноглиняные нелощеные трехручные кувшины-пифосы найдены также в г.Астрахани и на Сидоровском городище [Соловьев, Котеньков, 2022, с. 306–308, рис.3; 2; Кравченко, 2020, с. 103, рис. 190, 1; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 242, рис. 14, 1].

В Крыму один сероглиняный, частично сохранившийся кувшин-пифос высотой не менее 40 см найден пока только на поселении Кордон-Оба [Баранов, 1990, с. 101, рис. 35, 7; Майко, 2020, с. 54, рис. 5, 7], но вопрос о существовании в этом регионе мастерских, где их производили [Соловьев, Котеньков, 2022, с. 308], собственно как и центров производства лощеной салтово-маяцкой керамики вообще [Красильников, 2009а, с. 126], остается открытым [Пономарев, 2007, с. 243]. Пока что есть возможность предполагать производство в восточных районах Крыма лишь нелощеной салтово-маяцкой керамики [Пономарев, Пономарева, 2010, с. 462; Пономарев, 2014б, с.239–276].

Зафиксированы находки кувшинов-пифосов и на памятниках VIII–X вв. Северо-Восточной Болгарии. Один из них, опубликованный Б. Д. Борисовым, имеет черепок красного цвета, украшен по корпусу вертикальными валиками, разделенными зонами сетчатого лощения. Боковые ручки, по его мнению, предназначались для подвешивания сосуда [Борисов, 2011, с. 40, табл. 7, в].

Таким образом, появившись на Северном Кавказе не позднее первой половины V в., трехручные лощеные кувшины и их более распространенная крупногабаритная разновидность – трехручные кувшины-пифосы изготовлялись на обширных пространствах еще на протяжении нескольких столетий. Однако и за пределами Кавказа печи, где их изготовляли (типа балки Канцерка и Маяцкое поселение), также были связаны с переселившимися в эти регионы аланами. Что касается сосудов из печей поселения Варнавинское-3, по форме, сочетанию и стилистике элементов декора они могут быть датированы в пределах второй половины (конца) VII – начала / первой половины VIII в.

Помимо кувшинов-пифосов, в последней партии изделий, обжигавшихся в печи № 2 поселения Варнавинское-3, оказался сероглиняный лощеный сосуд, верхняя часть которого была найдена в обжигательной камере. Его шейка и плечики украшены тремя рядами полуовальных вдавлений и тремя рядами «семечкообразных» вдавлений (рис. 1006, 83). Нижняя его часть не сохранилась, но, скорее всего, он относится к одной из разновидностей лощеных сосудов с двумя ручками на тулове (реже без ручек), которые, в зависимости от размеров и формы, именуют пифосы, корчаги, корчаги-пифосы, горшки-корчаги [Плетнева, 1963, с. 40; Плетнева, 1989, с. 137], иногда даже – горшки-вазы [Аксенов, 2009, с. 233, рис. 7, 3]. Такие сосуды появились в Центральном и Восточном Предкавказье уже в первых веках нашей эры. К VII в. ареал их распространения охватил Западное Предкавказье и Среднее Поднепровье (печи типа балки Канцерка). После переселения части алан в Подонье

(40-е гг. VIII в.) они распространились в пределах основного ареала салтово-маяцкой культуры и производились здесь до конца IX – начала X вв. Отмечены их находки также в Крыму и на Таманском полуострове, но в эти регионы они попадали посредством торговых контактов, в основном, видимо, из Прикубанья. В зависимости от морфологических особенностей – размеров, формы и соотношения высоты и диаметра тулова С. А. Плетнева отнесла подобные сосуды салтово-маяцкой культуры к двум видам – корчаги и пифосы, при этом корчаги были разделены на три типа, в основу которых исследовательница положила их размеры, пропорции тулова и морфологические признаки – яйцевидное или практически шаровидное тулово, «покатые или крутые» плечики, сильно или слабо загнутый, иногда вертикальный венчик [Плетнева, 1989, с. 137]. Ее классификацию принял В. А. Сарапулкин, причем к корчагам трех типов им были отнесены горшковидные и шаровидные двуручные сосуды высотой 28–38 см, а к пифосам – большие, емкостью до 60 литров, двуручные сосуды яйцевидной формы [Сарапулкин, 2003, с. 50–51, рис. 35–37, 38, 1, 2; Сарапулкин, 2010, с. 31]. Отличаются они также стилистическими элементами и композицией, нанесенного на их тулово лощеного орнамента и рельефного декора. Сосуд из гончарной печи № 2 поселения Варнавинское-3, к примеру, имел практически горизонтальные плечики, а его низкое горло завершалось сильно отогнутым округлым венчиком.

Что касается их функционального назначения, по мнению В. С. Флерова, лощеные корчаги и пифосы служили для хранения «сухих» продуктов [Флеров, 1981, с. 179]. К разряду тарной керамики они, как правило, относятся и другими исследователями.

Подобного рода сосуды «надежно диагностируют продукцию центральнокавказских гончарных мастерских» уже во II–IV вв. н. э., и, в частности, один из них (но без лощения) найден в кургане 7 Алхан-Калинского могильника в Чечне [Малашев, Мамаев, 2011, с. 241, 245, рис. 21, 3]. Похожие по форме лощеные двуручные сосуды («корчаги») найдены в погребальных комплексах II–III вв. и IV–V вв. могильника Брутского городища в Северной Осетии – Брут-2 [Габуев, 2009, с. 121, рис. 131, 3, 4; Габуев, Малашев, 2009, с. 43, 62, рис. 72, 1; 112, 4; 131, 3, 4; Володарец-Урбанович, 2012а, с. 132, рис. 3, 1, 2]. Пифос, украшенный вертикальными полосами лощения, обнаружен в слое «хазарского» периода (VII–VIII вв.) Андрейаульского городища в Дагестане [Гмыря, 1980, с. 117, рис. 7, 14]. Обнаружены они на памятниках VI–VIII вв. Терско-Сулакского междуречья [Магомедов, 1983, с. 110, 118–119, рис. 30, 15, 16]. Среди памятников более позднего периода, на которых обнаружены двуручные пифосы и корчаги, можно упомянуть поселение Подкумское-1 V–IX вв. в Кисловодской котловине [Афанасьев, 1975, с. 58, рис. 4, 3]. Найдены лощеные корчаги и на Хумаринском городище VIII–X вв. в Верхнем Прикубанье. По мнению Х. Х. Биджиева, они не были свойственны синхронным ему памятникам Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии [Биджиев, 1979б, с. 159; Биджиев, 1982, с. 119, рис. 2, 2;

Биджиев, 1983, с. 70, рис. 44, 2], хотя в другой своей статье он включил лощеные корчаги в перечень керамики, характерной для поселений VIII–X вв. Карачаево-Черкесии и Ставропольской возвышенности [Биджиев, 1989, с. 41].

К VIII–IX вв. лощеные двуручные корчаги и пифосы распространились в пределах основного ареала салтово-маяцкой культуры, а также на территории Таманского полуострова и Крыма, причем повсеместно, помимо преобладающих сероглиняных сосудов, отмечены красноглиняные и коричневоглиняные.

На Таманском полуострове они найдены как в крупных приморских центрах, так и на поселениях VIII–X вв. Сероглиняные, желтоглиняные и коричневоглиняные, украшенные лощеным орнаментом корчаги происходят из слоев VIII–X вв. Таматархи [Плетнева, 1963, с. 40, рис. 25, 4, 5, тип Д] и Фанагории [Атавин, 1992, с. 178, 186–187, рис. 4, 1; 16; 17; Чхаидзе, 2012, с. 177–178, 185, рис. 118; 124]. Сероглиняная корчага, украшенная горизонтальными бороздками и сетчатым врезным орнаментом, обнаружена на городище Кепы [Сокольский, 1963, с. 110–111, рис. 7, 4; Чхаидзе, 2006, с. 493, рис. 10, 8]. На поселении Артюшенко-I найдена оранжевоглиняная корчага, украшенная вертикальными полосами лощения, горизонтальными бороздками и многорядной врезной волной [Виноградов, 2002, с. 80, рис. 5]. Несколько сероглиняных лощеных корчаг обнаружены в хозяйственных ямах поселения Гора Чиркова-1 [Супренков, Науменко, Пономарев, 2018, с. 275–276, рис. 8, 4; Супренков, Науменко, Пономарев, 2019, с. 222, рис. 7, 4; Супренков, Науменко, Пономарев, 2020, с. 233, рис. 13, 5; 15, 10].

В Крыму ареал распространения лощеных корчаг охватил салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова и Юго-Восточного Крыма. Зафиксированы их находки и в крупных приморских центрах, в частности в Сугдее [Пономарев, Пономарева, 2010, с. 453, рис. 1, 1–3; Пономарев, 2014а, рис. 9, 1; Баранов, 1990, с. 101, рис. 35, 6, 9; Баранов, Майко, 2000, с. 87, рис. 7, 22; Майко, 2004, с. 194–195, рис. 107, 11; Майко, 2020, с. 49, рис. 4; 5]. Кроме того, на Керченском полуострове (поселение Героевка-3) был обнаружен такой же по форме, но nelloщенный сосуд, возможно, местная имитация привозного лощеного прототипа [Зинько, Пономарев, 2001, с. 153–154, рис. 4, 3; Пономарев, 2012, рис. 5, 2]. К продукции местных гончарных центров, скорее всего, также относится nelloщенный пифос без ручек высотой 63 см, обнаруженный в южной части Керченского полуострова на поселении «над источником» (г. Опук) [Голенко, 2007, с. 234, 240, рис. 111, 1; Пономарев, Пономарева, 2010, с. 454, рис. 1, 4].

Серией отличающихся по форме сосудов лощеные корчаги и пифосы представлены на памятниках степной и лесостепной зоны основного ареала салтово-маяцкой культуры [Флеров, 1981, с. 179; рис. 6], в том числе в Саркеле [Плетнева, 1959, с. 214, рис. 5; Плетнева, 1967, с. 118, рис. 30, 5], на Втором Крымском городище [Иванов, 2010, с. 258, рис. 8, 21], Волчанском городище [Бабенко, 1905, рис. на с. 356], Мохначанском городище [Колода, 2002, с. 72, рис. 5, 5, 6; Колода, 2005, с. 226, рис. 8, 1–3], Сидоровском городище [Кравченко, 2020, с. 102, рис. 188, 9; 190, 1; 191,

1, 3, 4, 6, 9; Кравченко, Давыденко, 2001, с. 242, рис. 14, 5; 15, 6; 19, 1; Кравченко, Мирошниченко, Петренко, Давыденко, 2005, рис. 33; 34, 1, 2], Кабановом городище [Свистун, 2013, с. 114, 199, рис. 17, 2], Семикаракорском городище [Флеров, 2017, с. 340, рис. 14, 1; Флеров, 2020, с. 248–249, 269, рис. 141, 1], поселении Пятницкое-I [Квитковский, 2013, с. 64, 158, рис. 10, 10], в гончарной печи № 3 поселения близ станицы Суворовская на р. Дон [Кияшко, 2016в, с. 139, рис на с. 139], на поселении Золотые Горки в нижнем течении Дона [Ключников, 2011, с. 109, рис. 5, 8, 9; Ключников, 2013, с. 168, 170, рис. 6, 4], на одном из поселений в устье р. Кальмиус [Кучугура, 1998, рис. 5], а также в погребальных комплексах (катакомбах, кремациях, тризнах), в том числе Волоконовского могильника [Плетнева, Николаенко, 1976, с.287–288, рис. 7, 12], Дмитриевского могильника [Плетнева, 1989, с. 137–138, рис.77–79], могильника Красная Горка [Аксенов, 2004, с. 205, рис. 1, 13; Аксенов, 2005, с.183–185, рис. 1, 2, 4; 4, 3; Аксенов, Михеев, 2009, с. 387–389, рис. 1, 3], Нетайловского могильника [Аксенов, 2009, с. 233, 248, рис. 7, 3], могильника поселения Мохнач-Т [Колода, 2015, с. 98, рис. 1, 1], Сухогомольшанского могильника [Михеев, 1986, с.160, рис. 2, 19, 20; Аксенов, Михеев, 2006, с. 153–154, рис. 91, 8, 9; Брехач, 1999, с. 140, вид 4], Нижнелубянского могильника (Волоконовский район Белгородской области) [Володарець-Урбанович, 2012а, с. 132, рис. 3, 6], Старосалтовского могильника [Аксенов, 1999, рис. 8, 11], Верхне-Салтовского III могильника [Лаптев, 2011, с. 44, рис. 1, 9], Верхне-Салтовского IV могильника [Аксенов, 2003, с. 97, рис. 2, 3; Хоружая, 2012, рис. 6, 10; Хоружая, 2014, с. 103, рис. 6, 10] и Мандровского могильника [Винников, Сарапулкин, 2008, с. 28, 101, рис. 42, 10]. Сосудов без ручек среди них не так уж и много, в частности, лощеный пифос из коллекции Донецкого музея, условия находки которого остаются неизвестными [Кравченко, Шамрай, 2000, с. 77–78, рис 5, 3]. По технологическим и стилистическим особенностям декора (но не хронологически), пифос из печи № 2 поселения Варнавинское-3 наиболее близок двум, частично сохранившимся пифосам из Маяцкого археологического комплекса, которые в верхней части тулова были украшены двумя рядами вдавлений «лунарной» и «семечковидной» формы [Плетнева, Красильников, 1990, с. 112–113, рис. 15, а, б; Винников, Плетнева, 1998, с. 153–154, рис. 61, а, б].

Помимо памятников салтово-маяцкой культуры, фрагмент двуручной корчаги или пифоса был найден также на одновременном им городище Белгородское-I боршевской культуры на р. Воронеж [Колода, 2009, с. 64, рис. 3, 4].

Сосуды такой же формы (в т. ч. черноглиняные, оранжевоглиняные, красноглиняные, иногда без лощения) изготавливались и в более позднее время, в иной этнокультурной среде, в частности, они выявлены в кремационных захоронениях X–XIII вв. на территории Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья, в том числе в могильниках X–XII вв. Ленинохавль-1 и Черноклен [Успенский, 2015, рис.28, 3; 70, 24 71, 1; Успенский, 2016, рис. 5, 4; Пьянков, 2020, с. 165, рис. 2А, 3], Убинском могильнике [Монгайт, 1955, с. 332, 334, рис. 5; Пьянков, 2020, с. 165, рис.2А, 2], могильнике Шизе-IV XII – XIII вв. в Абинском районе Краснодарского края,

курганном могильнике XII–XIII вв. на селище Мухортова Поляна-2 в Лазаревском районе г. Сочи, курганном могильнике конца XII – XIII вв. «Кедровая роща» у пос. Кабардинка (Геленджикский район) и могильнике на р. Пшиш [Армарчук, Дмитриев, 2003, с. 217, табл. 101, 16–19, 23; Успенский, 2009, с. 378–380, рис. 1, 9, 10; Успенский, 2013, рис. 3, 23; Успенский, 2015, рис. 87, 1, 2; 90, 1, 2; 91, 2; Кочкаров, Успенский, 2019, с. 23, 35, 40, 44, 61, 63, 71, 80, рис. 6, 7; 10, 11; 16, 1; 25, 15, 16; 30, 16, 35, 13, 14; Нечипорук, 2019, с. 34, 38, рис. 5, 5; Носкова, 2010, рис. 6, 13; Носкова, 2016, с. 238, 240, рис. 1, 8; Шишлов, Колпакова, Федоренко, 2018, с. 63, 64, 66, рис. 2, 1; 4, 1; 6, 1].

Что касается специализации и ассортимента продукции гончарных мастерских поселения Варнавинское-3, обнаруженные в двух печах лощеные сосуды позволили утверждать, что одновременно загружавшиеся в них однотипные сосуды имели не только морфологические особенности, но и заметно отличались размерами и ни разу не повторенной во всех деталях композицией и стилистикой декора, в основу которых были положены не только различные элементы, мотивы и принципы их размещения, но и технологические приемы, сочетавшие зоны фактурного (не изменяющего толщины стенки сосуда) орнамента в виде лощеных участков и линий с элементами текстурного (вогнуто и выпукло-рельефного) декора – фигурными вдавлениями (оттисками орнамента), фигурными налепами, налепами-валиками, шипообразными выступами, врезными тонкими линиями и желобками¹⁰. Более того, можно даже предположить, что одинаковые по размерам, форме и декору сосуды гончары поселения Варнавинское-3 не производили вообще. Как совершенно верно в отношении салтово-маяцкой лощеной керамики заметила С. А. Плетнева: каждый из ее типов представлен на городищах, поселениях и в погребальных комплексах десятками вариантов – «стандартизации этих сосудов почти не существовало – каждый мастер вкладывал в изготавливаемые сосуды свою индивидуальность» [Плетнева, 1981, с. 73]. При этом В. С. Флеров уточнил, что «сосуды индивидуальных, нетрадиционных форм бытовой посуды гончары Хазарского каганата не изготавливали. Появление таких означало бы, по существу, возникновение гончарного прикладного искусства. В Хазарии гончары до этого уровня не поднялись. Не было и поиска новых орнаментов». Соответственно, за каждым из сосудов, которые пока найдены в одном экземпляре, обязательно должна стоять «серия аналогичных» [Флеров, 2001, с. 161].

Многообразие вариантов форм сосудов и их декора характеризует и лощеную керамику Северного Кавказа предсалтовского и раннесалтовского времени. Такой

¹⁰ В качестве основных стилистических элементов фактурного орнамента использовались вертикальная линия и косая «сетка». Фактурный и текстурный декор иногда совмещали. К числу таких его разновидностей относятся желобки с лощеной поверхностью в классификации орнаментов лощеной салтово-маяцкой керамики В. С. Флерова, названные каннелюрами [Флеров, 1990, с. 44].

же практики придерживались, видимо, и гончары поселения Варнавинское-3. Одновременно мелкими партиями они изготавливали сосуды разных форм и назначения и своей продукцией обеспечивали прежде всего жителей самого поселения, оставшаяся ее часть могла сбываться населению ближайшей округи. Какая-то часть продукции могла, конечно, попадать и в отдаленные регионы, в том числе на Таманский полуостров и в Крым. На территории этих регионов гончарные центры, производившие салтово-маяцкую лощеную керамику, пока еще не найдены, но сероглиняная (реже красноглиняная и коричневоглиняная) лощеная посуда фиксируется повсеместно, хотя и в меньшем количестве, при этом число ее находок уменьшается в западном направлении, составляя, к примеру, в Фанагории 4–5% от найденных фрагментов керамики [Атавин, 1992, с. 174; Чхаидзе, 2008, с. 195–200; Чхаидзе, 2012, с. 174–187], а на крымских памятниках – не более 2,4% [Баранов, 1990, с. 100; Зинько, Пономарев, 2009, с. 64; Майко, Сьомин, 2003, с. 49–54; Майко, 2020, с. 44–60; Винокуров, Пономарев, 2022, с. 149]. О торговых (скорее всего, опосредованных) контактах жителей поселения с такими ближайшими к ним крупными приморскими центрами, как Таматарха, Фанагория, Боспор, могут свидетельствовать находки на нем амфор крымского, возможно и средиземноморского производства, и ойнохой скалинтинского (баклинского) типа, которые также производились в Крыму. Отсюда в обмен на сельскохозяйственную и гончарную продукцию они могли получать вино, оливковое масло и другие товары.

К сожалению, все эти рассуждения остаются не более чем рабочими гипотезами и догадками, поскольку характер гончарного ремесла поселения Варнавинское-3 до конца еще не ясен, принадлежали ли гончарные печи двум или одной мастерской, являлось ли гончарство помыслом мужской части жителей поселения в системе хозяйственной деятельности отдельных семей, ориентировались ли гончары исключительно на внутриселищный спрос или уже были завязаны на рыночные отношения, хотя бы в пределах ближайшей округи. Утвердительно можно говорить только об одном, гончарный промысел жителей поселения вряд ли трансформировался к этому времени в самостоятельную отрасль производства, полностью ориентированную на обезличенный рынок. Об этом свидетельствуют как расположение самих печей (на территории поселения, пусть даже и нежилого его участка), так и их небольшие размеры. Не обнаружены рядом с ними и большие скопления производственного брака, лишь развалы сосудов из последней загрузочной партии [ср.: Красильников, Красильникова, 2010, с. 164].

При осмыслении же причин разрушения гончарных печей № 1 и № 2 возможны два сценария развития событий, в основу которых положено допущение одновременности или последовательности функционирования самих гончарных комплексов. Если предположить, что печи функционировали в разное время, то попытка объяснения внезапной остановки технологического процесса обрушением свода и стенок обжигательных камер, в том числе по причине выработки

их технологически временного ресурса прочности, вполне возможна¹¹. Но, если обе печи прекратили функционировать одновременно, такая схема развития событий вряд ли представляется реальной. Внезапная остановка технологического процесса сразу в двух печах может быть возможна только в случае форсмажорных обстоятельств, к примеру, военно-политического характера. Если это так, то спустя какое-то время печи все же попытались отремонтировать. Из них убрали часть разбившейся посуды и большую часть обрушившихся стенок обжигательных камер. Однако, по-видимому, ремонт их оказался невозможным и дальнейшие работы были прекращены. Оба гончарных комплекса были заброшены и превращены в свалки бытового мусора. Со временем, когда местонахождение засыпанных котлованов их рабочих площадок было забыто, их прорезали более поздние хозяйственные ямы.

Обе печи, отнесенные нами ко второму строительному горизонту, могут быть предварительно датированы в пределах второй половины (конца) VII – начала, может быть, и первой половины VIII в., скорее всего, не позднее переселения во второй четверти – середине (40-х гг.) VIII в. части аланского населения Северного Кавказа и Предкавказья в Донецко-Донское междуречье (верховья Дона, Северского Донца и Оскола) [Плетнева, 1989, с. 268; Плетнева, 1997, с.45; Афанасьев, 1981, с. 48–64; Афанасьев, 1992, с. 83; Кузнецов, 1992, с. 161–162; Абрамова, Магомедов, 1980, с. 139; Комар, 1999, с. 133; Албегова, 2012, с. 202–203]. Само же поселение существовало и дальше. Этот период отражают комплексы третьего строительного периода с датирующимися в широких рамках находками, включая немногочисленные фрагменты причерноморских амфор и кружальных горшков салтовского облика с линейно-волнистым врезным орнаментом.

¹¹ Справедливости ради отметим, что пятен вторично наложенной глины иной фактуры, которой были бы подмазаны трещины, выкрошившиеся и отвалившиеся участки на стенках и дне обжигательной камеры и стенках топочного блока, обнаружено не было, а такие текущие (сезонные) мелкие ремонты, как свидетельствуют этнографические данные, должны были проводиться каждый год. Следы неоднократных подмазок (до 3–4 раз) были, в частности, зафиксированы в печах у с. Подгаевка, с. Роголик и гончарного центра Маяцкого поселения [Красильников, 1976, с. 269–270; Красильников, 1980, с. 63; Плетнева, Красильников, 1990, с. 109]. Впрочем, на сохранившихся участках стенок обжигательных камер обеих печей поселения Варнавинское-3 зафиксированы вертикальные трещины, однако они, скорее всего, появились уже после того, как они были заброшены. Что касается еще одного слоя глины, наложенного на стенки обжигательной камеры печи № 1, двухслойная их структура могла быть предусмотрена изначально как технологически-конструктивный прием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* О происхождении культуры Андрейяульского городища // Северный Кавказ в древности и средние века / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: Наука, 1980. С. 123 – 140.
- Айбабин А.И.* Ранние хазарские археологические памятники в Северном Причерноморье // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2009. Т. 8. С. 67–87.
- Аксенов В.С.* Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita Antiqua*. Київ, 1999. № 2. С.137–149.
- Аксенов В.С.* К вопросу о семантике некоторых женских наборов украшений салтовского времени из бассейна Северского Донца. // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2004. Т. 3. С. 204–212.
- Аксенов В.С.* Салтовские кремационные комплексы с конскими начальниками из бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2005. Т. 4. С. 182–198.
- Аксенов В.С.* Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовый могильник) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009. Т. 7: Хазарское время. С. 231–258.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.» // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2006. Т. 5. 306 с.
- Аксенов В.С., Михеев В.К.* Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009. Т. 7: Хазарское время. С. 387–406.
- Аксёнов В.С.* Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2003. № 2. С. 95–102.
- Албегова З.Х.* Забытое сказание о нартах (к вопросу о миграциях алан в эпоху Хазарского каганата) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации / Отв. ред. З.В. Канукова. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 199–214.
- Амброз А.К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-Венгерский сборник / Отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 204–222.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В.* Курганные могильники. Памятники Северо-Восточного Причерноморья X – XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV–XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.:Наука, 2003. С. 216–224 (Археология).
- Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. По материалам Северо-Кавказской экспедиции // ИГАИМК. Л.: ОГИЗ, 1935. Вып. 131. С. 1–118.
- Артамонов М.И.* Саркел – Белая Вежа // МИА. М.-Л., 1958. № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. С. 7–84.
- Атавин А.Г.* Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. М., 1992. Вып. 1. С. 173–211.
- Афанасьев Г.Е.* Поселения VI–IX вв. в районе Кисловодска // СА. 1975. № 3. С. 53–62.
- Афанасьев Г.Е.* Керамика Мокрой Балки // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 57–78.
- Афанасьев Г.Е.* К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир (Межвузовский сборник статей) /

- Отв. ред. А.Х. Магометов. Орджоникидзе: СОГУ, 1981. С. 48–64.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М.: Наука, 1987. 200 с. (Археологические открытия на новостройках. Вып. 2).
- Афанасьев Г.Е.* Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре // Аланы и Кавказ / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ-Цхинвал: СО-ИГИ, 1992. С. 83–97 (Alanica II).
- Афанасьев Г.Е.* Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры – этномаркирующий признак? // РА. 2013. № 3. С. 13–25.
- Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С.* Первые шаги «космической археологии» в России (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. 1999. № 2. С. 106–123.
- Бабенко В.А.* Волчанское городище (Опыт исследования его в 1903 году) // Сборник Харьковского Историко-археологического общества. Харьков, 1905. Т. 16: Труды Харьковской комиссии по устройству XIII археологического съезда в г. Екатеринославе / под ред. Е.К. Редина. С. 353–357.
- Бабенко В.А.* Дополнение к докладу «Что дали нового раскопки в Верхнем Салтове» // Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе в 1905 г. / под ред. П.С. Уваровой. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1907. Т. I. С. 394–410.
- Бабенко В.А.* Памятники хазарской культуры на юге России. Каменный город // Труды XV археологического съезда в Новгороде, 1911 г. / под ред. П.С. Уваровой. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. Т. I. С. 464–473.
- Бакушев М.А.* Гончарный производственный комплекс раннесредневекового времени у станицы Змейской // Археологическое наследие: материалы и интерпретации / Отв. ред. Р.Ф. Фидаров. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-А, 2019. С. 95–117.
- Бакушев М.А., Фризен С.Ю.* Раннесредневековые погребения у станицы Змейской // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы научной конференции, Грозный, 18–21 апреля 2016 г. Грозный, 2016. С. 132–135.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего Средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
- Баранов И.А., Майко В.В.* Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X в. // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 83–99.
- Биджиев Х.Х.* Раскопки городища Хумара в 1977 году (предварительная публикация) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии / Отв. ред. В.И. Марковин. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1979а. С. 34–62.
- Биджиев Х.Х.* Средневековая керамика Хумаринского городища (по материалам раскопок 1977 г.) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии / Отв. ред. В.И. Марковин. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ экономики, истории, языка и литературы, 1979а. С. 154–169.
- Биджиев Х.Х.* Крепостные сооружения Хумаринского городища // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура) / Отв. ред. Е.П. Алексеева. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1982. С. 84–112.

- Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1983. 168 с.
- Биджиев Х.Х.* Поселения древних болгар Северного Кавказа VIII–X вв. (по материалам Карачаево-Черкесии и Ставропольской возвышенности) // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1989. С. 34–45.
- Биджиев Х.Х.* Тюрки Северного Кавказа (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск: Карачаево-Черкесское ПО, 1993. 376 с.
- Биджиев Х.Х., Соголайнен Н.П.* Керамика Хумаринского городища VIII–X вв. н. э. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (материальная и духовная культура) / Отв. ред. Е.П. Алексеева. Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1982. С. 113–133.
- Бобринский А.А.* Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.). М.: Наука, 1991. 215 с.
- Бонин А.В.* Охранно-спасательные работы 2010–2013 гг. в Анапе, Новороссийске и Крымском районе Краснодарского края // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 323–325.
- Борисов Б.Д.* Керамика Дунайской Болгарии (VIII–X вв.) // Болгарский форум I. Материалы Международного Болгарского форума (19–21 июня 2010 г., Болгар) / Отв. ред. В.Н. Бахматова, Ф.Ш. Хузин. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 35–45 (Археология евразийских степей. Вып. 12).
- Брайчевська А.Т.* Розкопки гончарського горна в балці Канцерка в 1955 р. // Археологія. 1961. Т. XIII. С. 114–118.
- Брехач М.Г.* Керамический комплекс могильника салтовской культуры Сухая Гомольша // Матеріали міжнародної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лесостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)». Дніпропетровськ, 1999. С. 140–142.
- Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1998. 216 с.
- Винников А.З., Сарапулкин В.А.* Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж: ВГПУ, 2008. 107 с.
- Виноградов Ю.А.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Артющенко-I на Таманском полуострове // ЗВОРАО. СПб., 2002. Т. I (XXVI). С. 73–81.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Городище Артезиан в эпоху Средневековья. М.: ИНФРА-М, 2022. 343 с.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Гончарні горни балки Канцерка // Археологія. 2011. № 4. С. 32–45.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Витоки та подальша доля Канцерської традиції // Старожитності Левобережного Подніпров'я – 2012. Київ-Полтава, 2012а. С. 128–139.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Хронология бытования канцерской гончарной посуды // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г. СПб., 2012б. С. 94–97.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Гончарные горны балки Канцерки: в поисках традиций // Производство керамики в Восточной Европе: позднеримское время – раннее Средневековье – новое время (материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 17–19 сентября 2012 г.). Харьков, 2013. Вып. 2. С. 162–165.

- Володарець-Урбанович Я.В.* Проблеми вивчення гончарних осередків типу балка Канцерка // Археологія. 2014а. № 2. С. 51–59.
- Володарець-Урбанович Я.В.* Проблема функціонування гончарних осередків VII–VIII ст. басейну Дніпра // Від венедів до Русі. Збірник наукових праць на пошану доктора історичних наук Дениса Никодимовича Козака з нагоди його 70-ліття / Відп. ред. Г.Ю.Івакін. Київ: ІА НАНУ, 2014б. С. 325–338.
- Габуев Т.А.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС, 2009. 468 с. (Материалы и исследования по археологии России. Вып. 11).
- Габуев Т.А.* Аланские княжеские курганы V в. н. э. у с. Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Гос. музей искусства народов Востока; Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, 2014. 184 с.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН-ТАУС, 2009. 468 с. (Материалы и исследования по археологии России, Вып. 11).
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17–20 ноября 1997 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара, 1998. С. 28–86.
- Гмыря Л.Б.* Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1980. С. 105–134.
- Гмыря Л.Б.* Из истории ремесленного производства в Дагестане // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане / Отв. ред. М.М. Мамаев. Махачкала: ИИЯЛ им. Г. Цадасы, 1984. С. 73–90.
- Голенко В.К.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь: СОНАТ, 2007. 408 с.
- Голофаст Л.В.* Комплекс амфор причерноморского типа из Фанагории // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию А. И. Айбабина / Ред.-сост. Э.А. Хайрединаова. Симферополь, 2019. С. 39–41.
- Голофаст Л.В., Евдокимов П.А.* К вопросу о времени бытования амфор с мелким зональным рифлением (по материалам раскопок в Фанагории) // МАИЭТ. Симферополь, 2019. Вып. XXIV. С. 186–216.
- Голубев Л.Э., Попик Е.В.* Гончарные печи VIII–IX вв. у хут. Красная Заря (Новокубанский район Краснодарского края) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2005. Вып. 5. С. 139–147.
- Грінченко В.А.* Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. 1950. Т. III. С. 37–63.
- Жупанин О.Ф., Иванов А.А., Кутуков Д.В.* Исследования поселения Балка Лисовицкого-1 и усадьба (хут. Воскресенский, юго-западная окраина) в 2018–2019 гг. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2020. Вып. 18. С. 292–305.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. I. С. 147–158.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь-Керчь: АДФ-Україна, 2009. 320 с. (Боспорские исследования. Supplementum 5).

- Иванов А.А.* Крымский археологический комплекс: исследования 2006–2009 гг. // Хазары: Миф и история / Ред.-сост. Е.Э. Носенко-Штейн, В.Я. Петрухин. Москва-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2010. С. 249–274.
- Кадиева А.А.* Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре Галиатского склепа 1935 г. в Дигорском ущелье (Северная Осетия) // РА. 2012. № 1. С. 100–111.
- Квитковский В.И.* Раннесредневековые жилища селища Пятницкое-I // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2013. Вип. 3. С. 58–72.
- Кияшко Я.А.* К вопросу о характере поселения Суворовское-I // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10: Материалы IV Нижневолжской международной археологической конференции (18–21 октября 2013 г.). С. 363–368.
- Кияшко Я.А.* Гончарно-ремесленный центр у станицы Суворовской в структуре поселенческих памятников салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону // Вестник ВолГУ. 2016а. Т. 21. № 3. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. С. 14–24.
- Кияшко Я.А.* Керамический материал гончарно-ремесленного центра салтово-маяцкой культуры у станицы Суворовской // Вестник ВолГУ. 2016б. № 2. Серия. История. Политология. Социология. С. 67–75.
- Кияшко Я.А.* Новые объекты гончарно-ремесленного производства на памятнике Суворовская I (по материалам раскопок 2012 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2016в. Т. 15. № 1. С. 137–140.
- Ключников В.В.* Золотые Горки – памятник эпохи раннего Средневековья на Нижнем Дону // Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории: К 70-летию доктора исторических наук профессора А. А. Кудрявцева / под ред. В.А. Шаповалова и др. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 101–120.
- Ключников В.В.* Помещение 2 и яма 18 на памятнике хазарского времени Золотые Горки // Хазарские древности / под ред. В.В. Ключникова, А.А. Кулакова. Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. С. 163–175.
- Козловский А.А., Симонова Е.Н., Смиленко А.Т.* Славяне и осевшие кочевники в устье Дуная в IX–X вв. // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии / Отв.ред. И. Эрдели, О.М. Приходнюк. Киев: Наукова думка, 1996. С. 142–162.
- Колода В.В.* Некоторые итоги изучения нового ремесленного центра в урочище Роганина // История и археология слободской Украины. К 90-летию XII Археологического съезда (Харьков – Старый Салтов, 19–21 октября 1992 г.). Тезисы докладов конференции. Харьков, 1992. С. 127–128.
- Колода В.В.* Салтовское гончарное производство (по материалам ремесленного центра в урочище Роганина) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2001. Т. 2: Хазарское время. С. 219–232.
- Колода В.В.* Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т. 1. С. 69–78.
- Колода В.В.* Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // Хазарский альманах. Киев-Харьков, 2005. Т. 4. С. 216–233.
- Колода В.В.* Влияние традиций салтовского гончарного производства на керамический комплекс боршевской культуры Подонья // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009. Т. 7: Хазарское время. С. 61–98.

- Колода В.В. Жилище и мастерская гончара на городище Мохнач // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2010. Вып. 5. С. 149–163.
- Колода В.В. Методика полевых исследований раннесредневековых горнов (на примере керамических горнов салтовской культуры) // Производство керамики в Восточной Европе: познеримское время – раннее Средневековье – Новое время (материалы полевого семинара на базе экспедиции возле с. Войтенки 17–19 сентября 2012 г.). Харьков, 2013. Вып. 2. С. 153–161.
- Колода В.В. Новий могильник салтівської культури на Харківщині // Старожитності Лівобережного Подніпров'я – 2015. Київ, 2015. С. 97–110.
- Колода В.В., Квитковский В.И. Археологические исследования Харьковского национального педагогического университета в Харьковской области в 2007 г. // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007 рр. Київ: ІА НАНУ, 2009. С. 172–175.
- Колода В.В., Колода Т.А. Гончарное производство салтовского ремесленного центра в урочище Роганина // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Науч. ред. С.Д. Крыжицкий. Донецк: «Східний видавничий дом», 2000. С.117–119.
- Комар А.В. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. Київ, 1999. Вып. 2. С. 111–136.
- Кострин К.В. Исследование нефти из средневековых амфор, найденных близ станицы Пролетарской // СА. 1965. № 1. С. 291–293.
- Кострин К.В. Исследование смолистого вещества из «черносмоленых» кувшинов средневековой Тмутаракани // СА. 1967. № 1. С. 285–289.
- Кочкаров У.Ю., Успенский П.С. Средневековый могильник Шизе-IV в Западном Закубанье. М.: ИА РАН, 2019. 160 с. (Труды Северо-Кавказской (Донской) археологической экспедиции. Т. 2).
- Кравченко Э.Е. Постройки археологического комплекса у с. Сидорово (среднее течение Северского Донца) // Археологический альманах. Донецк, 2011. № 25. С. 270–296.
- Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец. Казань 2020. 344 с. (Археология евразийских степей. № 4).
- Кравченко Э.Е. О захоронениях по обряду кремации в среднем течении р. Северский Донец // Поволжская археология. Казань, 2022. № 2 (40). С. 56–71.
- Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2001. Т. 2: Хазарское время. С. 233–302.
- Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В. Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы экспедиций 2001–2003 гг.) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2005. Т. 4: Хазарское время. С. 261–356.
- Кравченко Э.Е., Петренко А.Н. Исследования археологического комплекса Маяки в среднем течении Северского Донца в 2008 году // Святогірський альманах 2008. Донецьк, 2008. С. 39–47.
- Кравченко Э.Е., Петренко А.Н. Постройки Сидоровского комплекса хазарского времени // Святогірський альманах 2010. Донецьк, 2010. С. 37–48.
- Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами с территории Донецкой области // Донецкая археология. Ростов-на-Дону, 2000. № 3–4. С.70–82.
- Красильников К.И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА. 1976. № 3. С.267–278.

- Красильников К.И.* Изделия из кости салтово-маяцкой культуры // СА. 1979. № 2. С. 77–91.
- Красильников К.И.* Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. 1980. Вып. 160. С. 60–69.
- Красильников К.И.* Возникновение оседлости у праболгар Среднедончья // СА. 1981. № 4. С. 110–125.
- Красильников К.И.* Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009а. Т. 7: Хазарское время. С. 99–152.
- Красильников К.И.* Бурджане (булг-р) степного Подонцовья в составе Хазарии // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2009б. Т. 7. Хазарское время. С. 371–386.
- Красильников К.И., Красильникова Т.И.* Идентифицирующие признаки населения степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата // Хазары: миф и история / Ред.-сост. Е.Э. Носенко-Штейн, В.Я. Петрухин. Москва-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2010. С. 153–188.
- Красильникова Т.И.* Грунтовые могильники М1 и М2 у селища салтово-маяцкой культуры Новолимаревка на реке Деркул (обзор источников) // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2010. Вып. 5. С. 175–187.
- Крупнов Е.И.* Галиатский могильник как источник по истории аланов-оссов (По материалам Северокавказской экспедиции Государственного исторического музея 1935 г.) // ВДИ. 1938. № 2. С. 113–121.
- Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа / МИА. М., 1962. № 106. 137 с.
- Кузнецов В.А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. 1973. № 2. С. 60–74.
- Кузнецов В.А.* Очерки истории алан / 2-е изд., дополн. Владикавказ: «Ир», 1992. 392 с.
- Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А.* Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2010. № 1. С. 393–429.
- Кучугура Л.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в устье р. Кальмиус (по материалам П.М. Пиневича и Н. Е. Макаренко) // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1998. Вып. 8. С. 44–52.
- Лантев А.А.* Тризны в культурном слое салтовских катакомбных могильников // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Харків, 2011. Вип. 1. С. 43–49, 120–124.
- Ловпаче Н.Г.* Художественная керамика средневековой Адыгеи. Майкоп: Меоты, 1995. 240 с.
- Лопан О.В.* Новые данные о керамике Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок / Отв. ред. А.С. Смирнов. М.: ИА РАН, 2001. С. 105–121.
- Ляпушкин И.И.* Средневековое поселение близ ст. Суворовской // МИА. М.-Л., 1958а. № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции Т. I. С. 323–336.
- Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. М.-Л., 1958б. № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции Т. I. С. 85–150.
- Ляпушкин И.И.* Карнауховское поселение // МИА. М.-Л., 1958в. № 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции Т. I. С. 263–314.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. По материалам археологических исследований и письменным данным. М.: Наука, 1983. 225 с.
- Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.

- Майко В.В. Лощеная керамика салтово-маяцких памятников Крыма. Анализ источниковой базы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. 2020. Т. 6 (72). № 3. Серия «Исторические науки». С. 44–60.
- Майко В.В., Сьомин С.В. Аланский середньовічний посуд Криму VIII – першої половини X століття // Український керамологічний журнал. Опішне, 2003. № 1 (7). С. 49–54.
- Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 годов. III. Полтавская губерния. 2. с. Мачехи Полтавского уезда // ИАК. СПб., 1911. Вып. 43. С. 116–118.
- Малашев В.Ю. Приложение 1. Керамика как основа периодизации могильника Мокрая Балка // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. С. 149–154 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3).
- Малашев В.Ю. Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. Вопросы хронологии / Труды Клин-Ярской экспедиции II. М.: Полимедия, 2000. 52 с.
- Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: Б/и, 2001. 149 с.
- Малашев В.Ю., Мамаев Х.М. Алхан-Калинский могильник (материалы раскопок 1937–1938 гг.) // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М.Мамаев. Грозный-Москва: ИА РАН-Институт гуманитарных исследований АН ЧР, 2011. С. 234–276.
- Мамаев М.М. Некоторые вопросы организации ремесла в раннесредневековом Дагестане // Древности Дагестана / Отв. ред. В.Г. Котович. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР ИИЯЛ, 1974. С. 169–180 (Материалы по археологии Дагестана, Т. 5).
- Мастыкова А.В. Стекланные псевдогеммы эпохи Великого переселения народов на Северном Кавказе // Очерки средневековой археологии Кавказа: к 85-летию со дня рождения В. А. Кузнецова / Отв. ред. В.И. Козенкова. М.: ИА РАН, 2013. С. 140–154.
- Мельник В.И. Отчет о раскопках производственного комплекса на кургане № 12 могильника Общественный-I, проведенных Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР в 1985 г. М., 1986. // Научный архив ИА РАН. Ед. хр. Р-1 11604. 92 л.
- Миллер А.А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1926 и 1927 гг. // СГАИМК. Л., 1927. Т. II. С. 59–122.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.
- Михеев В.К., Колода В.В. Новые находки гончарных печей салтовской культуры на Харьковщине // Вестник Харьковского университета. 1992. № 363. Серия «История». Вып. 26. С. 134–140.
- Михеев В.К., Дяченко А.Г. Дослідження ранньосередньовічного поселення поблизу с. Суха Гомольша // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Інформаційні повідомлення / Відп. ред. Є.В. Максимов. Київ: Наукова думка, 1972. Вип. IV. С. 275–280.
- Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. М.-Л., 1951. № 23. С. 273–301.
- Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1950. Вып. 2–3. С. 205–264.
- Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1971. 248 с.
- Минаева Т.М. Кераміка балки Канцерки в світлі археологічних досліджень на Північному Кавказі // Археологія. 1961. Т. XIII. С. 119–128.

- Михеев В.К.* Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3. С. 158–173.
- Монгайт А.Л.* Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа // СА. 1955. Т. XXIII. С. 321–340.
- Науменко В.Е.* Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–Xвв. Симферополь-Керчь: АДЕФ-Україна, 2009а. С. 50–57 (Боспорские исследования. Supplementum 5).
- Науменко В.Е.* Амфоры // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Симферополь-Керчь: АДЕФ-Україна, 2009б. С.35–50 (Боспорские исследования. Supplementum 5).
- Науменко В.Е.* Амфоры «причерноморского» типа на территории средневековой Таврики и Кавказа: проблемы современной атрибуции и хронологии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы и изучения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Махачкала, 2020. С. 399–401.
- Нечипорук А.А.* Материалы хазарского времени кургана 5 курганной группы Холмский 25 // V«Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и Средневековье. Материалы международной научной конференции (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.). Краснодар, 2015. С. 187–202.
- Нечипорук А.А.* Средневековые курганы на селище Мухортова Поляна 2 // Археологическое наследие: материалы и интерпретации / Отв. ред. Р.Ф. Фидаров. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-Алания, 2019. С. 33–66.
- Нечипорук А.А.* Раннесредневековый керамический комплекс поселения Хабль-1 в Закубанье // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы и изучения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Махачкала, 2020. С. 402–404.
- Нидельницкая Л.Ю.* Византийские амфоры с гладким корпусом и зональным орнаментом V – начала IX в. (по материалам Донских музеев) // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной научной конференции / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону, 2009. С. 257–282.
- Нидельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М.* Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Москва-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2007. С. 193–215 (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
- Николаенко А.Г., Гребенюков В.И., Сарпулкин В.А.* Гончарная мастерская № 1 из Ютановки // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2001. Вып. 2. С. 230–232.
- Николаенко А.Г., Сарпулкин В.А., Степовой А.В., Пашнев А.Н.* Гончарный горн № 1 из Ютановки // Белогорье: краеведческий альманах. Белгород, 2006. № 5. С. 35–37.
- Николаенко А.Г., Степовой А.В.* Булат из Ютановки: быль о Русском каганате и средневековом городе Арса. Волоконовка: Б/и, 2005. 40 с.
- Носкова Л.М.* Средневековый могильник в пос. Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока. М., 2010. Вып. 5. С. 167–200.
- Носкова Л.М.* Адыгская керамика золотоордынского времени в фондах Государственного му-

- зья Востока // «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова / под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдикова. Казань-Ялта-Кишинев, 2016. С. 238–241.
- Обломский А.М., Родинкова В.Е.* Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э. Хронология событий // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 381–404.
- Пархоменко О.В.* Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (история и археология) / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1985. С. 84–94.
- Паршина О.О., Тесленко И.Б., Зеленко С.М.* Гончарні центри Таврики VIII–X ст. // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї / Гл. ред. М.І. Гладких. Київ: Стило, 2001. С.52–81.
- Плетнева С.А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. М.-Л., 1959. № 75: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. С. 212–272.
- Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–72.
- Плетнева С.А.* Работа Северо-Донецкого отряда // Археологические открытия 1966 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1967а. С. 54–55.
- Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. М., 1967б. № 142. 200 с.
- Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–75 (Археология СССР).
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Плетнева С.А.* Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. IV. С. 271–396.
- Плетнева С.А.* Саркел и «шелковый» путь. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. 168 с.
- Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. Казань, 1997. № 1. С. 32–63.
- Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2000. 364 с.
- Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья (IV–XIII века): Учебное пособие. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2003а. 248 с.
- Плетнева С.А.* Фанагория // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV–XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003б. С. 179–183 (Археология).
- Плетнева С.А., Красильников К.И.* Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1990. С. 92–139.
- Плетнева С.А., Николаенко А.Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3. С. 279–298.
- Пономарев Л.Ю.* Лощеная керамика салтово-маяцких поселений на городище Тиритака и в окрестностях пос. Эльтиген // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и раннего Средневековья. Святилища и сакральные объекты. Материалы международной научной конференции. Керчь, 2007. С. 240–245.

- Пономарев Л.Ю.* Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012. Вип. 2. С. 67–78, 130–132.
- Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадло в 1963 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014а. Вип. I. С. 376–399.
- Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкие горшки из поселений Керченского полуострова // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2014б. Т. 12: Хазарское время. С. 239–276.
- Пономарев Л.Ю., Пономарева И.А.* Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2010. Вип. IV. С. 453–464.
- Пьянков А.В.* Абазинская гипотеза происхождения средневековых кремаций Кубано-Черноморского региона // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. А.Х. Тлеуж. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2020. С. 160–165.
- Рабинович Р.А.* Гончарный горн на поселении X–XII вв. у с. Рудь // Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы / Отв. ред. Н.А. Кертрару. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 99–108.
- Раппопорт П.А.* Крепостные сооружения Саркела // МИА. М.-Л., 1959. № 75: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. С. 9–39.
- Рунич А.П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. 1971. № 2. С. 167–178.
- Савченко Е.И.* Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вип. 1 / Отв. ред. И.С. Каменецкий. М.: Наука, 1986. С. 70–101.
- Сазанов А.В.* Ранневизантийская керамика Северного Причерноморья: итоги и новые проблемы // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. Тезисы докладов XXI Всероссийской научной сессии византинистов. Москва-Белгород, 2016. С. 176–179.
- Сарапулкин В.А.* Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: Дис. ... канд. ист. наук. Липецк, 2003. 203 с.
- Сарапулкин В.А.* Памятники археологии VIII–X веков на территории Белгородской области. Учебное пособие. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. 97 с.
- Свиридов А.Н., Язиков С.В., Суханов Е.В.* Новые средневековые погребения с Таманского полуострова // Боспорские исследования. Керчь-Симферополь, 2019. Вип. XXXVIII. С. 256–298.
- Свистун Г.Е.* Кабаново (Старопокровское) городище // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2013. Вип. 3. С. 107–117, 188–199.
- Смиленко А.Т.* Керамическая мастерская IX в. на левобережье дельты Дуная // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б.А. Тимошук. М.: Наука, 1988. С. 73–78.
- Смиленко А.Т.* Спорные вопросы в изучении древностей VIII–X вв. Северо-Западного Причерноморья // Древности Юго-Запада СССР (I – середина II тысячелетия н. э.) / Отв. ред. П.П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 166–185.
- Смиленко А.Т., Козловский А.А.* Поселения у сел Шабо и Богатое в Одесской области // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н. э. / Отв. ред. А.Т. Смиленко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 98–121.
- Смиленко А.Т.* Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.). Київ: Наукова думка, 1975. 211 с.

- Сокольский Н.И. Кепы // Античный город / под ред. А.И. Болтуновой. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 97–114.
- Соловьев Д.С., Котеньков С.А. Находки раннесредневековых пифосов-кувшинов в дельте Волги // Археология евразийских степей. Казань, 2022. № 3. С. 304–313.
- Степовой А.В. Гончарная мастерская пункта древней металлургии – II у с. Ютановка Белгородской области // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко (г. Белгород, 14–16 декабря 2017 г.) / Отв. ред. В.А. Сарапулкин. Белгород, 2018. С. 356–360.
- Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове (краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.) // Хазарский альманах. М., 2017. Т. 15. С. 236–280.
- Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Северо-восточный участок поселения VIII–X вв. Гора Чиркова-1: хозяйственные комплексы группы 3 (по итогам раскопок 2015 г.) // Боспорские исследования. Керчь, 2018. Вып. XXXVII. С. 263–301.
- Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 4 (по итогам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2019. Вып. X. С. 205–248.
- Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова-1 на Таманском полуострове: хозяйственные комплексы группы 2 (по итогам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2020. Вып. XII. С. 221–268.
- Суханов Е.В. Формы «причерноморских» амфор VIII–X вв. // РА. 2017. № 3. С. 89–104.
- Суханов Е.В. Керамика Хумаринского городища (материалы раскопок 2007–2017 годов) // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. М.: ИА РАН, 2020. С. 163–192.
- Суханов Е.В., Свиридов А.Н. Новые раннесредневековые погребения с территории Западного Предкавказья // РА. 2018. № 4. С. 114–129.
- Тарабанов В.А. Средневековый могильник у аула Казазово // Историческая этнография: традиция и современность / Отв. ред. Р.Ф. Итс. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983а. Вып. II. С. 148–155.
- Тарабанов В.А. Этническая принадлежность ранней группы погребений Казазовского могильника // Проблемы хронологии памятников степной зоны Северного Кавказа / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1983б. С. 93–97.
- Тельнов Н.П., Чеботаренко Г.Ф. Гончарная мастерская с поселения у с. Ганск // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья / Отв. ред. П.П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 72–76.
- Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа / Материалы по археологии Кавказа. М., 1900. Т. VIII. 381 с.
- Успенский П.С. Исследования средневекового могильника Шизе IV в 2008 г. // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 377–381.
- Успенский П.С. Могильники с трупосожжениями VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (динамика ареала погребального обряда) // РА. 2013. № 4. С. 86–98.
- Успенский П.С. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 331 с.

- Успенский П.С.* Погребения всадников на территории Северо-Западного Кавказа (по материалам кремационных некрополей VIII–XIII вв.) // РА. 2016. № 4. С. 30–47.
- Флеров В.С.* Распространение лощеной керамики на территории салтово-маяцкой культуры // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976. София, 1981. Т. 2. С. 170–181.
- Флеров В.С.* Орнаменты салтово-маяцкой лощеной керамики // Из истории области. Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II. С. 42–61, 188–189.
- Флеров В.С.* Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедиа, 2000. 164 с. (Труды Клино-Ярской экспедиции I).
- Флеров В.С.* Лощеные миски, блюда, чаши и кубышки Хазарского каганата // Боспорские исследования. Симферополь, 2001. Вып. I. С. 159–184.
- Флеров В.С.* Местная керамика Семикаракорской крепости // Археология евразийских степей. Казань, 2017. № 1. С. 336–377.
- Флеров В.С.* Фортификация Хазарского каганата на Нижнем Дону. Семикаракорское городище. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. 376 с.
- Ходжайов Т.К., Швецов М.Л., Ходжайова Г.К., Фризен С.Ю.* Население Подонцовья эпохи Золотой Орды (по материалам могильников у с. Маяки) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2012. Т. 11: Золотоордынское время. С. 125–192.
- Хоружа М.В.* Похороня в дромосі катакомб Верхньосалтівського могильника // Археологія. 2014. № 2. С. 99–109.
- Хоружая М.В.* Попытка интерпретации погребений в дромосах катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника // Восточноевропейские древности / Отв. ред. В.Д. Разуваев. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. С. 219–230 (Вестник Острогжского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского. Вып. 2).
- Чеботаренко Г.Ф.* Раскопки на поселении у с. Молешты Кутузовского района // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг. / Отв. ред. В.А. Дергачев, И.А. Борзика. Кишинев: Штиинца, 1983. С. 183–192.
- Чахидзе В.Н.* Средневековое сельское поселение на городище Кепы // Древности Боспора. М., 2006. Т. 10. С. 487–517.
- Чахидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 329 с.
- Чахидзе В.Н.* Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф принт, 2012. 590 с.
- Шишилов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.* Особенности погребального обряда племен прибрежной зоны Северо-Западного Кавказа в XII–XIII вв. (По материалам курганного могильника «Кедровая роща») // ЛЕПТОН. Сборник статей в честь археолога Алексея Васильевича Пьянкова / Ред.-сост. Н.В. Малахов. Армавир-Краснодар: Издатель В. Е. Шурыгин, 2018. С. 61–71.
- Якименко Е.В.* Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в 1988–1992 гг. // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Воронеж, 1994. Вып. 2. С. 51–66.
- Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
- Kotnar O.* Archaeological and Archaeomagnetic Dating of Early Medieval Kantsyrka Type Pottery // Archaeologia Bulgarica. Sofia, 2018. Т. XXII. № 3. С. 39–70.

REFERENCES

- Abramova M.P., Magomedov M.G. O proiskhozhdenii kul'tury Andrei-aul'skogo gorodishcha. *Markovin V.I. (Ed.). Severnyi Kavkaz v drevnosti i srednie veka*, Moskva: Nauka Publ., 1980, pp. 123–140.
- Aibabin A.I. Rannie khazarskie arkheologicheskie pamiatniki v Severnom Prichernomor'e. *Khazarskii al'manakh*. Kiev-Khar'kov, 2009, vol. 8, pp. 67–87.
- Aksenov V.S. Starsosaltovskii katakombnyi mogil'nik. *Vita Antiqua*, Kiiv, 1999, vol. 2, pp. 137–149.
- Aksenov V.S. K voprosu o semantike nekotorykh zhenskikh naborov ukrashenii saltovskogo vremeni iz basseina Severskogo Dontsa. *Khazarskii al'manakh*, Kiev-Khar'kov, 2004, vol. 3, pp. 204–212.
- Aksenov V.S. Saltovskie krematsionnye komplekсы s konskimi nachel'nikami iz basseina Severskogo Dontsa. *Khazarskii al'manakh*, Kiev-Khar'kov, 2005, vol. 4, pp. 182–198.
- Aksenov V.S. Issledovaniia rannesrednevekovykh zakhoroneniі bliz sela Metallovka v 2006 godu (Netailovskii gruntovyi mogil'nik). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*, Donetsk, 2009, vol.7: Khazarskoe vremia, pp. 231–258.
- Aksenov V.S., Mikheev V.K. Naselenie Khazarskogo kaganata v pamiatnikakh istorii i kul'tury. «Sukhogomol'shanskii mogil'nik VIII–X vv.». *Khazarskii al'manakh*, Kiev-Khar'kov, 2006, vol. 5, 306 p.
- Aksenov V.S., Mikheev V.K. Pogrebeniia so slozhnosostavnymi lukami biritual'nogo mogil'nika Krasnaia Gorka saltovskoi kul'tury. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*, Donetsk, 2009, vol.7: Khazarskoe vremia, pp. 387–406.
- Aks'onov V.S. Sidiache pokhovannia z alans'kogo katakombnogo mogil'niki bilia s. Verkhonii Saltiv. *Arkheologichnii litopis Livoberezhnoi Ukraini*, Poltava, 2003, vol. 2, pp. 95–102.
- Albegova Z.Kh. Zabytoe skazanie o nartakh (k voprosu o migratsiіakh alan v epokhu Khazarskogo kaganata). *Kanukova Z.V. (Ed.). Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii*, Vladikavkaz: IPO SOIGSI Press, 2012, pp. 199–214.
- Ambroz A.K. O Voznesenskom komplekse VIII v. na Dnepre – vopros interpretatsii. *Ambroz A.K., Erdeli I.F. (Ed.). Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V–VIII vekov. Sovetsko-Vengerskii sbornik*. Moskva: Nauka Publ., 1982, pp. 204–222.
- Armarchuk E.A., Dmitriev A.V. Kurgannye mogil'niki. Pamiatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia X – XIII vv. *Makarova T.I., Pletneva S.A. (Ed.). Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia IV–XIII veka*. Moskva: Nauka Publ., 2003, pp. 216–224 (Arkheologiiia).
- Artamonov M.I. Srednevekovye poseleniia na Nizhnem Donu. Po materialam Severo-Kavkazskoi ekspeditsii. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury*. Leningrad: OGIZ Publ., 1935, vol. 131, pp. 1–118.
- Artamonov M.I. Sarkel – Belaia Vezha. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1958, vol. 62: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. I, pp. 7–84.
- Atavin A.G. Loshchenaiia keramika srednevekovoi Fanagorii. *Bosporskii sbornik*. Moskva, 1992, vol. 1, pp. 173–211.
- Afnas'ev G.E. Poseleniia VI–IX vv. v raione Kislovodska. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1975, vol. 3, pp. 53–62.
- Afnas'ev G.E. Keramika Mokroi Balki. *Pletneva S.A. (Ed.). Srednevekovye drevnosti evraziiskikh stepei*, Moskva: Nauka Publ., 1980, pp. 57–78.
- Afnas'ev G.E. K voprosu o proiskhozhdenii alanskogo varianta saltovo-maiatskoi kul'tury //

- Magometov A. Kh. (Ed.). *Antichnye gosudarstva i varvarskii mir (Mezhvuzovskii sbornik statei)*. Ordzhonikidze: SOGU Press, 1981, pp. 48–64.
- Afanas'ev G.E. *Naselenie lesostepnoi zony basseina srednego Dona v VIII–Kh vv. (alanskii variant saltovo-maiatskoi kul'tury)*. Moskva: Nauka Publ., 1987, 200 p. (Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh, vol. 2).
- Afanas'ev G.E. Etnicheskie aspekty genezisa katakombnogo obriada pogrebenii v saltovo-maiatskoi kul'ture. *Tmenov V. Kh. (Ed.). Alany i Kavkaz*. Vladikavkaz-Tskhinval: SOIGI Press, 1992, pp. 83–97 (Alanica II).
- Afanas'ev G.E. Kukhonnaia posuda saltovo-maiatskoi kul'tury – etnomarkiruiushchii priznak? *Rossiiskaia arkheologiia*, 2013, vol. 3, pp. 13–25.
- Afanas'ev G.E., Zot'ko M.R., Korobov D.S. Pervye shagi «kosmicheskoi arkheologii» v Rossii (k deshifrovke Maiatskogo selishcha). *Rossiiskaia arkheologiia*, 1999, vol. 2, pp. 106–123.
- Babenko V.A. Volchanskoe gorodishche (Opyt issledovaniia ego v 1903 godu). Redin E.K. (Ed.). *Sbornik Khar'kovskogo Istoriko-arkheologicheskogo obshchestva*. Khar'kov, 1905, vol. 16: Trudy Khar'kovskoi komissii po ustroistvu XIII arkheologicheskogo s"ezda v g.Ekaterinoslave, pp. 353–357.
- Babenko V.A. Dopolnenie k dokladu «Chto dali novogo raskopki v Verkhnem Saltove». *Uvarova P.S. (Ed.). Trudy XIII arkheologicheskogo s"ezda v Ekaterinoslave v 1905 g.* Moskva: Tovarishestvo tipografii A.I. Mamontova Publ., 1907, vol. I, pp. 394–410.
- Babenko V.A. Pamiatniki Khazarskoi kul'tury na iuge Rossii. Kamennyi gorod. *Uvarova P.S. (Ed.). Trudy XV arkheologicheskogo s"ezda v Novgorode, 1911 g.* Moskva: Tipografia G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1914, vol. I, pp. 464–473.
- Bakushev M.A. Goncharnyi proizvodstvennyi kompleks rannesrednevekovogo vremeni u stanitsy Zmeiskoi. *Fidarov R.F. (Ed.). Arkheologicheskoe nasledie: materialy i interpretatsii*. Vladikavkaz: Institut istorii i arkheologii RSO-A Press, 2019, pp. 95–117.
- Bakushev M.A., Frizen S.Iu. Rannesrednevekovye pogrebeniia u stanitsy Zmeiskoi. *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediiia narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniia. Materialy nauchnoi konferentsii, Groznyi, 18–21 aprelia 2016 g.* Groznyi, 2016, pp. 132–135.
- Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura)*, Kiev: Naukova dumka Publ., 1990. 168 p.
- Baranov I.A., Maiko V.V. Prabolgarskie gorizonty Sudakskogo gorodishcha serediny VIII – pervoi poloviny X v. *B"lgarite v Severnoto Prichernomorie*. Veliko T"rnovo, 2000, vol. VII, pp. 83–99.
- Bidzhiev Kh.Kh. Raskopki gorodishcha Khumara v 1977 godu (Predvaritel'naia publikatsiia). *Markovin V.I. (Ed.). Voprosy srednevekovoi istorii narodov Karachaevo-Cherkessii*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII ekonomiki, istorii, iazyka i literatury Press, 1979a, pp. 34–62.
- Bidzhiev Kh.Kh. Srednevekovaia keramika Khumarinskogo gorodishcha (Po materialam raskopok 1977 g.). *Markovin V.I. (Ed.). Voprosy srednevekovoi istorii narodov Karachaevo-Cherkessii*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII ekonomiki, istorii, iazyka i literatury Press, 1979a, pp. 154–169.
- Bidzhiev Kh.Kh. Kepostnye sooruzheniia Khumarinskogo gorodishcha. *Alekseeva E.P. (Ed.). Problemy arkheologii i etnografii Karachaevo-Cherkessii (Material'naia i dukhovnaia kul'tura)*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki Press, 1982, pp. 84–112.
- Bidzhiev Kh.Kh. *Khumarinskoe gorodishche*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva Publ., 1983, 168 p.

- Bidzhiev Kh.Kh. Poseleniia drevnikh bolgar Severnogo Kavkaza VIII–X vv. (po materialam Karachaevo-Cherkessii i Stavropol'skoi vozvyshechnosti). *Khalikov A. Kh. (Ed.). Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope*. Kazan': IILi KF AN SSSR Publ., 1989, pp. 34–45.
- Bidzhiev Kh.Kh. *Tiurki Severnogo Kavkaza (Bolgary, khazary, karachaevtsy, balkartsy, kумыki, nogaitsty: voprosy istorii i kul'tury)*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe PO Publ., 1993, 376p.
- Bidzhiev Kh.Kh., Sovolainen N.P. Keramika Khumarinskogo gorodishcha VIII–X vv. n. e. *Alekseeva E.P. (Ed.). Problemy arkheologii i etnografii Karachaevo-Cherkessii (Material'naia i dukhovnaia kul'tura)*. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki Press, 1982, pp. 113–133.
- Bobrinskii A.A. *Goncharnye masterskie i gorny Vostochnoi Evropy (po materialam II–V vv. n. e.)*. Moskva: Nauka Publ., 1991, 215 p.
- Bonin A.V. Okhranno-spatatel'nye raboty 2010–2013 gg. v Anape, Novorossiiske i Krymskom raione Krasnodarskogo kraia. *Lopatin N.V. (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 godov*. Moskva: IA RAN Publ., 2015, pp. 323–325.
- Borisov B.D. Keramika Dunaiskoi Bolgarii (VIII–X vv.). *Bakhmatova V.N., Khuzin F. Sh. (Ed.). Bolgarskii forum I. Materialy Mezhdunarodnogo Bolgarskogo foruma (19–21 iunია 2010, Bolgar)*. Kazan': OOO «Foliant» Publ., 2011, pp. 35–45 (Arkheologiia evraziiskikh stepei, vol. 12).
- Braichevs'ka A.T. Rozkopki gonchars'kogo gorna v baltsi Kantserka v 1955 r. *Arkheologiia*, 1961, vol. XIII, pp. 114–118.
- Brekhach M.G. Keramicheskii kompleks mogil'nika saltovskoi kul'tury Sukhaia Gomol'sha. *Materiali mizhnarodnoi konferentsii «Etnichna istoriia ta kul'tura naseleunia stepu ta lesostepu Evrazii (vid kam'ianogo viku po ranne seredn'ovichchia)»*. Dnipropetrovs'k, 1999, pp. 140–142.
- Vinnikov A.Z., Pletneva S.A. *Na severnykh rubezhakh Khazarskogo kaganata. Maiatskoe poselenie*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta Press, 1998, 216 p.
- Vinnikov A.Z., Sarapulkin V.A. *Bolgary v Pooskol'e (Mandrovskii mogil'nik)*. Voronezh: VGPU Press, 2008, 107 p.
- Vinogradov Iu.A. Saltovo-maiatskie komplekсы poseleniia Artiushchenko I na Tamanskom poluostrove. *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaia seriia*. Sankt-Peterburg, 2002, vol. I (XXVI), pp. 73–81.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu. *Gorodishche Artezian v epokhu srednevekov'ia*. Moskva: INFRA-M Publ., 2022, 343 p.
- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Goncharni gorni balki Kantserka. *Arkheologiia*. 2011, vol. 4, pp. 32–45.
- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Vitoki ta podal'sha dolia Kantsers'koi traditsii. *Starozhitnosti Levoberezhnogo Podniprovia – 2012*. Kiiv-Poltava, 2012a, pp. 128–139.
- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Khronologiia bytovaniia kantserskoi goncharnoi posudy. *Slaviane vostochnoi Evropy nakanune obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia Ivana Ivanovicha Liapushkina (1902–1968)*. Sankt-Peterburg, 3–5 dekabria 2012 g. Sankt-Peterburg, 2012b, pp. 94–97.
- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Goncharnye gorny balki Kantserki: v poiskakh traditsii. *Proizvodstvo keramiki v Vostochnoi Evrope: pozdnerimskoe vremia – rannee srednevekov'e – novoe vremia (materialy polevogo seminara na baze ekspeditsii vogle s. Voitenki 17–19 sentiabria 2012 g.)*. Khar'kov, 2013, vol. 2, pp. 162–165.

- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Problemi vivchennia goncharnikh oseredkiv tipu balka Kantserka. *Arkheologiya*, 2014a, vol. 2, pp. 51–59.
- Volodarets'-Urbanovich Ia.V. Problema funktsionuvannia goncharnikh oseredkiv VII–VIII st. baseinu Dnepra. *Ivakin G. Iu. (Ed.). Vid venediv do Rusi. Zbirnik naukovikh prats' na poshanu doktora istorichnikh nauk Denisa Nikodimovicha Kozaka z nagodi iogo 70-littia*. Kiiv: IA NANU Publ., 2014b, pp. 325–338.
- Gabuev T.A. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza*. Moskva: TAUS Publ., 2009, 468 p. (Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii, vol. 11).
- Gabuev T.A. *Alanskie kniazheskie kurgany V v. n. e. u s. Brut v Severnoi Osetii*. Vladikavkaz: Gos. muzei iskusstva narodov Vostoka; Institut istorii i arkheologii Respubliki Severnaia Osetiia-Alaniia Press, 2014, 184 p.
- Gabuev T.A., Malashev V.Iu. *Pamiatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza*. Moskva: IA RAN-TAUS Publ., 2009, 468 p. (Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii, vol. 11).
- Gavritukhin I.O., Malashev V.Iu. Perspektivy izuchennia khronologii rannesrednevekovykh drevnostei Kislovodskoi kotloviny. *Stashenkov D.A. (Ed.). Kul'tury Evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiachelettia n. e. (voprosy khronologii). Materialy II Mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii 17–20 noiabria 1997 g.* Samara, 1998, pp. 28–86.
- Gmyria L.B. Stolovaia keramika Andreiaul'skogo gorodishcha (tipologiya i stratigrafia). Pletneva S.A. (Ed.). *Srednevekoveye drevnosti evraziiskikh stepei*. Moskva: Nauka Publ., 1980, pp. 105–134.
- Gmyria L.B. Iz istorii remeslennogo proizvodstva v Dagestane. *Mammaev M.M. (Ed.). Drevnie promysly, remeslo i trgovlia v Dagestane*. Makhachkala: IIIaL im. G. Tsadasy Press, 1984, pp. 73–90.
- Golenko V.K. *Drevnii Kimmerik i ego okruga*. Simferopol': SONAT Publ., 2007, 408 p.
- Golofast L.V. Kompleks amfor prichernomorskogo tipa iz Fanagorii. *Khairidinova E.A. (Ed.). Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu A. I. Aibabina*. Simferopol', 2019, pp. 39–41.
- Golofast L.V., Evdokimov P.A. K voprosu o vremeni bytovaniia amfor s melkim zonal'nym rifleniem (po materialam raskopok v Fanagorii). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Simferopol', 2019, vol. XXIV, pp. 186–216.
- Golubev L.E., Popik E.V. Goncharnye pechi VIII–IX vv. u khut. Krasnaia Zoria (Novokubanskii raion Krasnodarskogo kraia). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza*. Armavir, 2005, vol. 5, pp. 139–147.
- Grinchenko V.A. Pam'iatka VIII st. kolo s. Voznesenki na Zaporizhzhii. *Arkheologiya*. 1950, vol. III, pp. 37–63.
- Zhupanin O.F., Ivanov A.A., Kutukov D.V. Issledovaniia poseleniia «Balka Lisovitskogo 1» i «usad'ba (khut. Voskresenskii, IuZ okraina)» v 2018–2019 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza*. Armavir, 2020, vol. 18, pp. 292–305.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Issledovanie rannesrednevekovykh pamiatnikov v okrestnostiakh poselka Geroevskoe. *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol', 2001, vol. I, pp. 147–158.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv.* Simferopol'-Kerch': ADEF-Ukraina Publ., 2009, 320 p. (Bosporskie issledovaniia. Supplementum 5).
- Ivanov A.A. Krymskii arkheologicheskii kompleks: issledovaniia 2006–2009 gg. *Petrukhin V. Ia. (Ed.).*

- Khazary: Mifi istoriia*. Moskva-Ierusalim: Mosty kul'tury-Gesharim Publ., 2010, pp. 249–274.
- Kadieva A.A. Khronologicheskie indikatory v pogrebal'nom inventare Galiatskogo sklepa 1935 g. v Digorskom ushchel'e (Severnaia Osetiia). *Rossiiskaia arkhologiia*, 2012, vol. 1, pp. 100–111.
- Kvitkovskii V.I. Rannesrednevekoveye zhlisshcha selisshcha Piatnitskoe-I. *Saltovo-maiats'ka arkhologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia*. Kharkiv, 2013, vol. 3, pp. 58–72.
- Kiiashko Ia.A. K voprosu o kharaktere poseleniia Suvorovskoe I. *Arkheologiia Vostochno-Evropeiskoi stepi*. Saratov, 2013, vol. 10: Materialy IV Nizhnevolzhskoi mezhdunarodnoi arkhologicheskoi konferentsii (18–21 oktiabria 2013 g.), pp. 363–368.
- Kiiashko Ia.A. Goncharno-remeslennyi tsentr u stanitsy Suvorovskoi v strukture poselenceskikh pamiatnikov saltovo-maiatskoi kul'tury na Nizhnem Donu. *Vestnik VolGU*, 2016a, vol. 21, №3, Serii 4, Istoriia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniia, pp. 14–24.
- Kiiashko Ia.A. Keramicheskii material goncharno-remeslennogo tsentra saltovo-maiatskoi kul'tury u stanitsy Suvorovskoi. *Vestnik VolGU*. 2016b, № 2, Serii 4: Istoriia, Politologiia, Sotsiologiia, pp. 67–75.
- Kiiashko Ia.A. Novye ob"ekty goncharno-remeslennogo proizvodstva na pamiatnike Suvorovskaia I (po materialam raskopok 2012 g.). *Nizhnevolzhskii arkhologicheskii vestnik*. Volgograd, 2016v, vol. 15, № 1, pp. 137–140.
- Kliuchnikov V.V. Zolotyie Gorki – pamiatnik epokhi rannego srednevekov'ia na Nizhnem Donu. *Shapovalov V.A. i dr. (Ed.). Materialy i issledovaniia po otechestvennoi i zarubezhnoi istorii: K 70-letiiu doktora istoricheskikh nauk professora A. A. Kudriavtseva*. Stavropol': Izd-vo SGU Press, 2011, pp. 101–120.
- Kliuchnikov V.V. Pomeshchenie 2 i iama 18 na pamiatnike khazarskogo vremeni Zolotyie Gorki. *Kliuchnikov V.V., Kulakov A.A. (Ed.). Khazarskie drevnosti*. Aksai: Aksaiskii voenno-istoricheskii muzei Press, 2013, pp. 163–175.
- Kozlovskii A.A., Simonova E.N., Smilenko A.T. Slaviane i osevshie kochevniki v ust'e Dunaia v IX–Kh vv. *Erdeli I., Prikhodniuk O.M. (Ed.). Materialy I tys. n. e. po arkheologii i istorii Ukrainy i Vengrii*. Kiev: Naukova dumka Publ., 1996, pp. 142–162.
- Koloda V.V. Nekotorye itogi izucheniia novogo remeslennogo tsentra v urochishche Roganina. *Istoriia i arkheologiia slobodskoi Ukrainy. K 90-letiiu XII Arkheologicheskogo s"ezda (Khar'kov – Staryi Saltov, 19–21 oktiabria 1992 g.). Tezisy dokladov konferentsii*. Khar'kov, 1992, pp. 127–128.
- Koloda V.V. Saltovskoe goncharnoe proizvodstvo (po materialam remeslennogo tsentra v urochishche Roganina). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2001, vol. 2: Khazarskoe vremia, pp. 219–232.
- Koloda V.V. Usad'ba srednevekovogo kuznetsa na Mokhnachanskom gorodishche. *Khazarskii al'manakh*. Khar'kov, 2002, vol. 1, pp. 69–78.
- Koloda V.V. Novye materialy k probleme osedaniia srednevekovykh kochevnikov: kriterii vydeleniia i podkhody k resheniiu (na primere issledovaniia gorodishcha Mokhnach). *Khazarskii al'manakh*. Kiev-Khar'kov, 2005, vol. 4, pp. 216–233.
- Koloda V.V. Vliianie traditsii saltovskogo goncharnogo proizvodstva na keramicheskii kompleks borshevskoi kul'tury Podon'ia. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2009, vol. 7: Khazarskoe vremia, pp. 61–98.
- Koloda V.V. Zhilishche i masterskaia gonchara na gorodishche Mokhnach. *Verkhnedonskoi arkhologicheskii sbornik*. Lipetsk, 2010, vol. 5, pp. 149–163.
- Koloda V.V. Metodika polevykh issledovaniia rannesrednevekovykh gornov (na primere

- keramicheskikh gornov saltovskoi kul'tury). *Proizvodstvo keramiki v Vostochnoi Evrope: pozdnerimskoe vremia – rannee srednevekov'e – novoe vremia (materialy polevogo seminara na baze ekspeditsii vozle s. Voitenki 17–19 sentiabria 2012 g.)*. Khar'kov, 2013, vol. 2, pp.153–161.
- Koloda V.V. Novii mogil'nik saltiv'skoï kul'turi na Kharkivshchini. *Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprovia – 2015*. Kiïv, 2015, pp. 97–110.
- Koloda V.V., Kvitkovskii V.I. Arkheologicheskie issledovaniia Khar'kovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta v Khar'kovskoi oblasti v 2007 g. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2006–2007 rr*. Kiïv: IA NANU Publ., 2009, pp. 172–175.
- Koloda V.V., Koloda T.A. Goncharnoe proizvodstvo saltovskogo remeslennogo tsentra v urochishche Roganina. *Kryzhitskii S.D. (Ed.). Arkheologiia i drevniaia arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy i smezhnykh territorii*. Donetsk: «Skhidnii vidavnichii dom» Publ., 2000, pp. 117–119.
- Komar A.V. Predsaltovskii i rannesaltovskii gorizonty Vostochnoi Evropy (voprosy khronologii). *Vita Antiqua*. Kiïv, 1999, vol. 2, pp. 111–136.
- Kostrin K.V. Issledovanie nefiti iz srednevekovykh amfor, naidennykh bliz stanitsy Proletarskoi. *Sovetskaia arkheologiia*, 1965, vol. 1, pp. 291–293.
- Kostrin K.V. Issledovanie smolistogo veshchestva iz «chernosmolennykh» kuvshinov srednevekovoi Tmutarakani. *Sovetskaia arkheologiia*, 1967, vol. 1, pp. 285–289.
- Kochkarov U.Iu, Uspenskii P.S. *Srednevekovyi mogil'nik Shize-IV v Zapadnom Zakuban'e*. Moskva: IA RAN Publ., 2019, 160 p. (Trudy Severo-Kavkazskoi (Donskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. 2).
- Kravchenko E.E. Postroiки arkheologicheskogo kompleksa u s. Sidorovo (srednee techenie Severskogo Dontsa). *Arkheologicheskii al'manakh*. Donetsk, 2011, vol. 25, pp. 270–296.
- Kravchenko E.E. *Sidorovskii arkheologicheskii kompleks na r. Severskii Donets*. Kazan', 2020, 344 p. (Arkheologiia Evraziiskikh stepei, vol. 4).
- Kravchenko E.E. O zakhoroneniakh po obriadu krematsii v srednem techenii r. Severskii Donets. *Povolzhskaia arkheologiia*. Kazan', 2022, vol. 2 (40), pp. 56–71.
- Kravchenko E.E., Davydenko V.V. Sidorovskoe gorodishche. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2001, vol. 2: Khazarskoe vremia, pp. 233–302.
- Kravchenko E.E., Miroshnichenko V.V., Petrenko A.N., Davydenko V.V. Issledovaniia arkheologicheskogo kompleksa u s. Sidorovo (materialy ekspeditsii 2001–2003 gg.). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2005, vol. 4: Khazarskoe vremia, pp. 261–356.
- Kravchenko E.E., Petrenko A.N. Issledovaniia arkheologicheskogo kompleksa Maiaki v srednem techenii Severskogo Dontsa v 2008 godu. *Sviatogirs'kii al'manakh 2008*. Donetsk, 2008, pp.39–47.
- Kravchenko E.E., Petrenko A.N. Postroiки Sidorovskogo kompleksa khazarskogo vremeni. *Sviatogirs'kii al'manakh 2010*. Donetsk, 2010, pp. 37–48.
- Kravchenko E.E., Shamrai A.V. Pogrebal'nye komplekсы khazarskogo vremeni s baklagami s territorii Donskoi oblasti. *Donetskaia arkheologiia*. Rostov-na-Donu, 2000, vol. 3–4, pp. 70–82.
- Krasil'nikov K.I. Goncharnaia masterskaia saltovo-maiatskoi kul'tury. *Sovetskaia arkheologiia*, 1976, vol. 3, pp. 267–278.
- Krasil'nikov K.I. Izdeliia iz kosti saltovo-maiatskoi kul'tury. *Sovetskaia arkheologiia*, 1979, vol.2, pp. 77–91.
- Krasil'nikov K.I. Novye dannye o goncharnom proizvodstve v saltovskoe vremia na Severskom

- Dontse. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, 1980, vol. 160, pp. 60–69.
- Krasil'nikov K.I. Voznikovenie osedlosti u parbolgar Srednedonech'ia. *Sovetskaia arkheologiya*, 1981, vol. 4, pp. 110–125.
- Krasil'nikov K.I. Loshchenaia keramika iz stepnogo massiva saltovo-maiatskoi kul'tury (tipologiya, tekhnologiya, ornamentika, kleima). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2009a, vol. 7: Khazarskoe vremia, pp. 99–152.
- Krasil'nikov K.I. Burdzhane (bulg-r) stepnogo Podontsov'ia v sostave Khazarii. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2009b, vol. 7: Khazarskoe vremia, pp. 371–386.
- Krasil'nikov K.I., Krasil'nikova T.I. Identifitsiruiushchie priznaki naseleniia stepnogo Podontsov'ia v strukture Khazarskogo kaganata. *Nosenko-Shtein E.E., Petrukhin V.Ia. (Ed.). Khazary: mifi i istoriia*. Moskva-Ierusalim: Mosty kul'tury-Gesharim Publ., 2010, pp. 153–188.
- Krasil'nikova T.I. Gruntovye mogil'niki M¹ i M² u selishcha saltovo-maiatskoi kul'tury Novolimarevka na reke Derkul (obzor istochnikov). *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik*, Lipetsk, 2010, vol. 5, pp. 175–187.
- Krupnov E.I. Galiatskii mogil'nik kak istochnik po istorii alanov-ossov (Po materialam Severokavkazskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia 1935 g.). *Vestnik Drevnei istorii*, 1938, vol. 2, pp. 113–121.
- Kuznetsov V.A. Alanskie plemena Severnogo Kavkaza. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva, 1962, vol. 106, 137 p.
- Kuznetsov V.A. Alanskaia kul'tura Tsentral'nogo Kavkaza i ee lokal'nye varianty v V–XIII vv. *Sovetskaia arkheologiya*, 1973, vol. 2, pp. 60–74.
- Kuznetsov V.A. *Ocherki istorii alan, 2-e izd., dopoln.* Vladikavkaz: «Ir» Publ., 1992, 392 p.
- Kuznetsov V.D., Golofast L.A. Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. Moskva-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2010, vol. 1, pp. 393–429.
- Kuchugura L.I. Pamiatniki saltovo-maiatskoi kul'tury v ust'e r. Kal'mius (po materialam P. M. Pinevicha i N. E. Makarenko). *Donetskii arkheologicheskii sbornik*. Donetsk, 1998, vol. 8, pp. 44–52.
- Laptev A.A. Trizny v kul'turnom sloe saltovskikh katakombnykh mogil'nikov. *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: 110 rokov vid pochatku vivchennia na Kharkivshchini*. Kharkiv, 2011, vol. 1, pp. 43–49, 120–124.
- Lovpache N.G. *Khudozhestvennaia keramika srednevekovoi Adygei*. Maikop: Meoty Publ., 1995, 240 p.
- Lopan O.V. Novye dannye o keramike Maiatskogo selishcha. *Smirnov A.S. (Ed.). Praktika i teoriia arkheologicheskikh issledovaniia. Trudy otdela okhrannykh raskopok*. Moskva.: IA RAN Publ., 2001, pp. 105–121.
- Liapushkin I.I. Srednevekovoe poselenie bliz st. Suvorovskoi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1958a, vol. 62: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii vol. I, pp. 323–336.
- Liapushkin I.I. Pamiatniki saltovo-maiatskoi kul'tury v basseine r. Dona. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1958b, vol. 62: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. I, pp. 85–150.
- Liapushkin I.I. Karnaukhovskoe poselenie. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1958v, vol. 62: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. I, pp. 263–314.
- Magomedov M.G. *Obrazovanie Khazarskogo kaganata. Po materialam arkheologicheskikh issledovaniia i pis'mennym dannym*. Moskva: Nauka Publ., 1983, 225 p.

- Maiko V.V. *Srednevekovee gorodishche na plato Tepsen' v iugo-vostochnom Krymu*. Kiev: Akadempriodika Publ., 2004, 316 p.
- Maiko V.V. Loshchenaiia keramika saltovo-maiatskikh pamiatnikov Kryma. Analiz istochnikovoi bazy. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*, 2020, vol. 6 (72), № 3, Seriiia «istoricheskie nauki», pp. 44–60.
- Maiko V.V., S'omin S.V. Alans'kii seredn'ovichnii posud Krimu VIII – pershoi polovini X stolittia. *Ukrains'kii keramologichnii zhurnal*. Opishne, 2003, vol. 1 (7), pp. 49–54.
- Makarenko N.E. Arkheologicheskie issledovaniia 1907–1909 godov. III. Poltavskaiia guberniia. 2. s. Machekhi Poltavskogo uezda. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*. Sankt-Peterburg, 1911, vol. 43, pp. 116–118.
- Malashev V.Iu. Prilozhenie I. Keramika kak osnova periodizatsii mogil'nika Mokraia balka. *Gavritukhin I.O., Oblomskii A.M. Gaponovskii klad i ego kul'turno-istoricheskii kontekst*. Moskva: IA RAN Publ., 1996, pp. 149–154 (Rannelslavianskii mir. Arkheologiiia slavian i ikh sosedei, vol. 3).
- Malashev V.Iu. *Rannesrednevekovaia keramika mogil'nika Klin-Iar III. Voprosy khronologii*. Moskva: Polimediia Publ., 2000, 52 p. (Trudy Klin-Iarskoi ekspeditsii II).
- Malashev V.Iu. *Keramika rannesrednevekovogo mogil'nika Mokraia Balka*. Moskva: B/i, 2001, 149 p.
- Malashev V.Iu., Mamaev Kh.M. Alkhan-Kalinskii mogil'nik (materialy raskopok 1937–1938gg.). *Mamaev Kh.M. (Ed.). Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Kavkaza*. Grozni-Moskva: IA RAN-Institut gumanitarnykh issledovaniia AN ChR Publ., 2011, pp. 234–276.
- Mammaev M.M. Nekotorye voprosy organizatsii remesla v rannesrednevekovom Dagestane. *Kotovich V.G. (Ed.). Drevnosti Dagestana*. Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR IIIaL, 1974, pp. 169–180 (Materialy po arkheologii Dagestana, vol. 5).
- Mastykova A.V. Stekliannye psevdogemmy epokhi velikogo pereseleniia narodov na Severnom Kavkaze. *Kozenkova V.I. (Ed.). Ocherki srednevekovoi arkheologii Kavkaza: k 85-letiiu so dnia rozhdeniia V. A. Kuznetsova*. Moskva: IA RAN Publ., 2013, pp. 140–154.
- Mel'nik V.I. Otchet o raskopkakh proizvodstvennogo kompleksa na kurgane № 12 mogil'nika Obshchestvennyi I, provedennykh Severo-Kavkazskoi ekspeditsiei IA AN SSSR v 1985 g. Moskva, 1986. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*, Ed. khr., R-1 11604. 92 l.
- Miller A.A. Arkheologicheskie raboty Severo-Kavkazskoi ekspeditsii Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury v 1926 i 1927 gg. *Soobshcheniia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury*. Leningrad, 1927, vol. II, pp. 59–122.
- Mikheev V.K. *Podon'e v sostave Khazarского kaganata*. Khar'kov: Vishcha shkola Publ., 1985, 148 p.
- Mikheev V.K., Koloda V.V. Novye nakhodki goncharnykh pechei saltovskoi kul'tury na Khar'kovshchine. *Vestnik Khar'kovskogo universiteta*, 1992, № 363, Seriiia «Istoriia», vol. 26, pp. 134–140.
- Minaeva T.M. Arkheologicheskie pamiatniki na r. Giliach v verkhov'iakh Kubani. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1951, vol. 23, pp. 273–301.
- Minaeva T.M. Mogil'nik Baital-Chapkan. *Materialy po izucheniiu Stavropol'skogo kraia*. Stavropol', 1950, vol. 2–3, pp. 205–264.
- Minaeva T.M. *K istorii alan Verkhnego Prikuban'ia po arkheologicheskim dannym*. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1971, 248 p.

- Minaeva T.M. Keramika balki Kantserki v svitli arkheologichnikh doslidzhen' na Pivnichnomu Kavkazi. *Arkheologiya*, 1961, vol. XIII, pp. 119–128.
- Mikheev V.K. Sukhogomol'shanskii mogil'nik. *Sovetskaia arkheologiya*, 1986, vol. 3, pp. 158–173.
- Myhjeev V.K., Djachenko A.G. Doslidzhennja rann'osered'ovichnogo poselennja poblyzu s.Suha Gomol'sh. *Maksymov Je. V (Ed.). Arheologichni doslidzhennja na Ukrai'ni v 1969 r. Informacijni povidomlennja*. Kyi'v: Naukova dumka Publ., 1972, vol. IV, pp. 275–280.
- Mongait A.L. Nekotorye srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Severo-Zapadnogo Kavkaza. *Sovetskaia arkheologiya*, 1955, vol. XXIII, pp. 321–340.
- Naumenko V.E. Vysokogorlye kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Simferopol'-Kerch'*: ADEF-Ukraina Publ., 2009a, pp. 50–57 (Bosporskie issledovaniia. Supplementum 5).
- Naumenko V.E. Amfory. Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Simferopol'-Kerch'*: ADEF-Ukraina Publ., 2009b, pp. 35–50 (Bosporskie issledovaniia. Supplementum 5).
- Naumenko V.E. Amfory «prichernomorskogo» tipa na territorii srednevekovoi Tavriki i Kavkaza: problemy sovremennoi atributsii i khronologii. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy i izucheniiia. XXXI Krupnovskie chteniia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu Derbentskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Makhachkala, 20–25 aprelia 2020 g.* Makhachkala, 2020, pp. 399–401.
- Nechiporuk A.A. Materialy khazarskogo vremeni kurgana 5 kurgannoi gruppy Kholm'skii 25. *V «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Kul'turnye vzaimodeistviia narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Krasnodar, 26–28 maia 2015 g.)*. Krasnodar, 2015, pp. 187–202.
- Nechiporuk A.A. Srednevekovye kurgany na selishche Mukhortova Poliana 2. *Fidarov R.F. (Ed.). Arkheologicheskoe nasledie: materialy i interpretatsii. Vladikavkaz: Institut istorii i arkheologii RSO-Alaniia Press, 2019, pp. 33–66.*
- Nechiporuk A.A. Rannesrednevekovyi keramicheskii kompleks poseleniia Khabl' 1 v Zakuban'e. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy i izucheniiia. XXXI Krupnovskie chteniia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu Derbentskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Makhachkala, 20–25 aprelia 2020 g.* Makhachkala, 2020, pp. 402–404.
- Nidzel'nitskaia L.Iu. Vizantiiskie amfory s gladkim korpusom i zonal'nym ornamentom V – nachala IX vv. (po materialam Donskikh muzeev). *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia. Sbornik statei po materialam XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Rostov-na-Donu, 2009, pp. 257–282.
- Nidzel'nitskaia L.Iu., Il'iashenko S.M. Rannesrednevekovoe poselenie na territorii Tanaisa. *Guguev Iu.K. (Ed.). Srednevekovye drevnosti Dona*. Moskva-Ierusalim: Mosty kul'tury-Gesharim Publ., 2007, pp. 193–215 (Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona, vol. II).
- Nikolaenko A.G., Grebeniukov V.I., Sarapulkin V.A. Goncharnaia masterskaia № 1 iz Iutanovki. *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik*. Lipetsk, 2001, vol. 2, pp. 230–232.
- Nikolaenko A.G., Sarapulkin V.A., Stepovoi A.V., Pashnev A.N. Goncharnyi gorn № 1 iz Iutanovki. *Belgor'e: kraevedcheskii al'manakh*. Belgorod, 2006, vol. 5, pp. 35–37.
- Nikolaenko A.G., Stepovoi A.V. *Bulat iz Iutanovki: byl' o Russkom kaganate i srednevekovom gorode Arsa*. Volokonovka: B/i, 2005, 40 p.
- Noskova L.M. Srednevekovyi mogil'nik v pos. Kabardinka bliz Gelendzhika (po materialam

- raskopok 1990 goda). Material'naia kul'tura Vostoka. Moskva, 2010, vol. 5, pp. 167–200.
- Noskova L.M. Adygskaia keramika zolotoordynskogo vremeni v fondakh Gosudarstvennogo muzeia Vostoka. *Bocharov S.G., Sidikov A.G. (Ed.). «Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordyy». Materialy Sed'moi Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiatii G. A. Fedorova-Davydova.* Kazan'-Ialta-Kishinev, 2016, pp. 238–241.
- Oblomskii A.M., Rodinkova V.E. Etnokul'turnyi perelom v Podneprov'e v VII v. n. e. *Khronologiiia sobytii. Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii RAN*, 2014, vol. 235, pp. 381–404.
- Parkhomenko O.V. Poselenie saltovskoi kul'tury u s. Zhovtnevoe. *Tolochko P.P. (Ed.). Zemli Iuzhnoi Rusi v IX–XIV vv. (Istoriia i arkheologiiia).* Kiev: Naukova dumka Publ., 1985, pp. 84–94.
- Parshina O.O., Teslenko I.B., Zelenko S.M. Goncharni tsentri Tavriki VIII–X st. *Gladkikh M.I. (Ed.). Mors'ka torgivlia v Pivnichnomu Prichornomor'ї.* Kiiv: Stilos Publ., 2001, pp. 52–81.
- Pletneva S.A. Keramika Sarkela – Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* Moskva-Leningrad, 1959, vol. 75: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. II, pp. 212–272.
- Pletneva S.A. Srednevekovaia keramika Tamanskogo gorodishcha. *Rybakov B.A. (Ed.). Keramika i steklo drevnei Tmutarakani.* Moskva: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963, pp. 5–72.
- Pletneva S.A. Rabota Severo-Donetskogo otriada. *Rybakov B.A. (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia 1966 goda.* Moskva: Nauka Publ., 1967a, pp. 54–55.
- Pletneva S.A. Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* Moskva, 1967b, vol. 142, 200 p.
- Pletneva S.A. Saltovo-maiatskaia kul'tura. Pletneva S.A. (Ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia.* Moskva: Nauka Publ., 1981, pp. 62–75 (Arkheologiiia SSSR).
- Pletneva S.A. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks.* Moskva: Nauka Publ., 1989, 288 p.
- Pletneva S.A. Pravoberezhnoe Tsimlianskoe gorodishche. Raskopki 1958–1959 gg. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 1994, vol. IV, pp. 271–396.
- Pletneva S.A. *Sarkel i «shelkovyi» put'.* Voronezh: Izd-vo VGU Press, 1996, 168 p.
- Pletneva S.A. Drevnie bolgary v vostochnoevropskikh stepiakh. *Tatarskaia arkheologiiia.* Kazan', 1997, vol. 1, pp. 32–63.
- Pletneva S.A. *Ocherki khazarskoi arkheologii.* Moskva-Ierusalim: Mosty kul'tury-Gesharim Publ., 2000, 364 p.
- Pletneva S.A. *Kochevniki iuzhnoruskikh stepei v epokhu srednevekov'ia (IV–XIII veka): Uchebnoe posobie.* Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta Publ., 2003a, 248 p.
- Pletneva S.A. Fanagoriia. *Makarova T.I., Pletneva S.A. (Ed.). Krym, Severo-Vostochnoe Prichornomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia IV–XIII veka.* Moskva: Nauka Publ., 2003b, pp. 179–183 (Arkheologiiia).
- Pletneva S.A., Krasil'nikov K.I. Goncharnye masterskie Maiatskogo kompleksa. Pletneva S.A. (Ed.). *Maiatskii arkheologicheskii kompleks. Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoi ekspeditsii.* Moskva: Nauka Publ., 1990, pp. 92–139.
- Pletneva S.A., Nikolaenko A.G. Volokonovskii drevnebolgarskii mogil'nik. *Sovetskaia arkheologiiia,* 1976, vol. 3, pp. 279–298.
- Ponomarev L.Iu. Loshchenaia keramika saltovo-maiatskikh poselenii na gorodishche Tiritaka i v okrestnostiakh pos. El'tigen. *VIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i rannego srednevekov'ia. Sviatilishcha i sakral'nye ob'ekty.*

- Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kerch', 2007, pp. 240–245.
- Ponomarev L.Iu. Khoziaistvennaia deiatel'nost' naseleniia saltovskoi kul'tury Kerchenskogo poluostrova (kratkii obzor arkheologicheskikh istochnikov). *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia*. Kharkiv, 2012, vol. 2, pp. 67–78, 130–132.
- Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskoe poselenie Geroevka-3 na Kerchenskom poluostrove (po materialam raskopok A. V. Gadlo v 1963 g.). *Istoriia i arkheologiiia Kryma*. Simferopol', 2014a, vol. I, pp. 376–399.
- Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskie gorshki iz poselenii Kerchenskogo poluostrova. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2014b, vol. 12: Khazarskoe vremia, pp. 239–276.
- Ponomarev L.Iu., Ponomareva I.A. Redkie formy saltovo-maiatskoi neloshchenoi keramiki iz rannesrednevekovykh poselenii Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'naia informatsiia). *Sugdeiskii sbornik*. Kiev-Sudak, 2010, vol. IV, pp. 453–464.
- P'iankov A.V. Abazinskaia gipoteza proiskhozhdeniia srednevekovykh krematsii Kubano-Chernomorskogo regiona. *Tleuzh A. Kh. (Ed.). Voprosy arkheologii Adygei*. Maikop: Izd-vo Magarin O.G. Publ., 2020, pp. 160–165.
- Rabinovich R.A. Goncharnyi gorn na poselenii X–XII vv. u s. Rud'. *Kertraru N.A. (Ed.). Khoziaistvennye komplekсы drevnikh obshchestv Moldovy*. Kishinev: Shtiintsa Publ., 1991, pp. 99–108.
- Rappoport P.A. Krepostnye sooruzheniia Sarkela. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moskva-Leningrad, 1959, vol. 75: Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii, vol. II, pp. 9–39.
- Runic A.P. Skal'nye zakhoroneniia v okrestnostiakh Kislovodska. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1971, vol. 2, pp. 167–178.
- Savchenko E.I. Krymskii mogil'nik. *Kamenetskii I.S. (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh. Drevnosti Severnogo Kavkaza (Materialy rabot Severokavkazskoi ekspeditsii)*, vol. 1. Moskva: Nauka Publ., 1986, pp. 70–101.
- Sazanov A.V. Rannevizantiiskaia keramika Severnogo Prichernomor'ia: itogi i novye problem. *Imperiia romeev vo vremeni i prostranstve: tseñtr i periferiia. Tezisy dokladov XXI Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov*. Moskva-Belgorod, 2016, pp. 176–179.
- Sarapulkin V.A. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo lesostepnogo varianta saltovo-maiatskoi kul'tury: Dis. ... kand. ist. nauk*. Lipetsk, 2003, 203 p.
- Sarapulkin V.A. *Pamiatniki arkheologii VIII–X vekov na territorii Belgorodskoi oblasti. Uchebnoe posobie*. Belgorod: Izd-vo BelGU Publ., 2010, 97 p.
- Sviridov A.N., Iazikov S.V., Sukhanov E.V. Novye srednevekovye pogrebeniia s Tamanskogo poluostrova. *Bosporskii issledovaniia*. Kerch'-Simferopol', 2019, vol. XXXVIII, pp. 256–298.
- Svistun G.E. Kabanovo (Staropokrovskoe) gorodishche. *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia*. Kharkiv, 2013, vol. 3, pp. 107–117, 188–199.
- Smilenko A.T. Keramicheskaia masterskaia IX v. na levoberezh'e del'ty Dunaia. *Timoshchuk B.A. (Ed.). Drevnosti slavian i Rusi*. Moskva: Nauka Publ., 1988, pp. 73–78.
- Smilenko A.T. Spornye voprosy v izuchenii drevnostei VIII–X vv. Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia. *Byrnia P.P. (Ed.). Drevnosti Iugo-Zapada SSSR (I – seredina II tysiacheletiiia n. e.)*. Kishinev: Shtiintsa Publ., 1991, pp. 166–185.
- Smilenko A.T., Kozlovskii A.A. Poseleniia u sel Shabo i Bogatoe v Odesskoi oblasti. *Smilenko A.T. (Ed.). Dnestro-Dunaiskoe mezhdurech'e v I – nachale II tys. n. e.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1987, pp. 98–121.

- Smilenko A.T. *Slov'iani ta ikh susidi v Stepovomu Podniprov'i (II–XIII st.)*. Kiiv: Naukova dumka Publ., 1975, 211 p.
- Sokol'skii N.I. Kepy. *Boltunova A.I. (Ed.). Antichnyi gorod*. Moskva: Izd-vo AN SSSR Publ., 1963, pp. 97–114.
- Solov'ev D.S., Koten'kov S.A. Nakhodki rannesrednevekovykh pifosov-kuvshinov v del'te Volgi. *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei*. Kazan', 2022, vol. 3, pp. 304–313.
- Stepovoi A.V. Goncharnaia masterskaia punkta drevnei metallurgii – II u s. Iutanovka Belgorodskoi oblasti. *Sarapulkin V.A. (Ed.). Arkheologiiia vostochnoevropeiskoi lesostepi: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 80-letiiu so dnia rozhdeniia A. G. Nikolaenko (g. Belgorod, 14–16 dekabria 2017 g.)*. Belgorod, 2018, pp. 356–360.
- Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Poselenie VIII–X vv. Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove (kratkii obzor po rezul'tatam raskopok 2015 g.). *Khazarskii al'manakh*. Moskva, 2017, vol. 15, pp. 236–280.
- Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Severo-vostochnyi uchastok poseleniia VIII–Xvv. Gora Chirkova 1: khoziaistvennye komplekсы группы 3 (po itogam raskopok 2015 g.). *Bosporskie issledovaniia*. Kerch', 2018, vol. XXXVII, pp. 263–301.
- Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Poselenie VIII–X vv. Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove: khoziaistvennye komplekсы группы 4 (po itogam raskopok 2015 g.). *Istoriia i arkheologiiia Kryma*. Simferopol', 2019, vol. X, pp. 205–248.
- Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Poselenie VIII–X vv. Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove: khoziaistvennye komplekсы группы 2 (po itogam raskopok 2015 g.). *Istoriia i arkheologiiia Kryma*. Simferopol', 2020, vol. XII, pp. 221–268.
- Sukhanov E.V. Formy «prichernomorskikh» amfor VIII–X vv. *Rossiiskaia arkheologiiia*, 2017, vol. 3, pp. 89–104.
- Sukhanov E.V. Keramika Khumarinskogo gorodishcha (materialy raskopok 2007–2017 godov). *Kochkarov U.Iu. (Ed.). Khumarinskoe gorodishche. Itogi mezhdistsiplinarnykh issledovanii*. Moskva: IA RAN Publ., 2020, pp. 163–192.
- Sukhanov E.V., Sviridov A.N. Novye rannesrednevekoveye pogrebeniia s territorii Zapadnogo Predkavkaz'ia. *Rossiiskaia arkheologiiia*, 2018, vol. 4, pp. 114–129.
- Tarabanov V.A. Srednevekovi mogil'nik u aula Kazazovo. *Its R.F. (Ed.). Istoricheskaiia etnografiia: traditsiia i sovremennost'*. Leningrad: Izd-vo LGU Publ., 1983a, vol. II, pp. 148–155.
- Tarabanov V.A. Etnicheskaiia prinadlezhnost' rannei grupy pogrebenii Kazazovskogo mogil'nika. *Kiiashko V.Ia. (Ed.). Problemy khronologii pamiatnikov stepnoi zony Severnogo Kavkaza*. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta Publ., 1983b, pp. 93–97.
- Tel'nov N.P., Chebotarenko G.F. Goncharnaia masterskaia s poseleniia u s. Gansk. *P.P. (Ed.). Srednevekoveye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia*. Kishinev: Shtiintsa, 1988, pp. 72–76.
- Uvarova P.S. *Mogil'niki Severnogo Kavkaza*. Moskva, 1900, 381 p. (Materialy po arkheologii Kavkaza, vol. VIII).
- Uspenskii P.S. Issledovaniia srednevekovogo mogil'nika Shize IV v 2008 g. *Piataia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsiia. Materialy konferentsii*. Krasnodar, 2009, pp. 377–381.
- Uspenskii P.S. Mogil'niki s truposozhzheniiami VIII–XIII vv. na Severo-Zapadnom Kavkaze (dinamika areala pogrebal'nogo obriada). *Rossiiskaia arkheologiiia*, 2013, vol. 4, pp. 86–98.
- Uspenskii P.S. *Krematsionnye pogrebeniia Severo-Zapadnogo Kavkaza VIII–XIII vv. kak*

- istoricheskii istochnik. Diss. ... kand. ist. nauk.* Moskva, 2015, 331 p.
- Uspenskii P.S. Pogrebeniia vsadnikov na territorii Severo-Zapadnogo Kavkaza (po materialam krematsionnykh nekropolei VIII–XIII vv.). *Rossiiskaia arkheologiya*, 2016, vol. 4, pp. 30–47.
- Flerov V.S. Rasprostranenie loshchenoi keramiki na territorii saltovo-maiatskoi kul'tury. *Pliska-Preslav. Prab"lgarskata kultura. Materiali ot b"lgaro-s"vetskata sreshcha*. Shumen, 1976. Sofiia, 1981, vol. 2, pp. 170–181.
- Flerov V.S. Ornamenty saltovo-maiatskoi loshchenoi keramiki. Iz istorii oblasti. *Ocherki kraevedov*. Penza, 1990, vol. II, pp. 42–61, 188–189.
- Flerov V.S. *Alany Tsentral'nogo Predkavkaz'ia V–VIII vekov: obriad obezvrezhivaniia pogrebennykh*. Moskva: Polimedia Publ., 2000, 164 p. (Trudy Klin-Iarskoi ekspeditsii I).
- Flerov V.S. Loshchenye miski, bliuda, chashi i kubyshki Khazarского kaganata. *Bosporskie issledovaniia*. Simferopol', 2001, vol. I, pp. 159–184.
- Flerov V.S. Mestnaia keramika Semikarakorskoi kreposti. *Arkheologiya evraziiskikh stepei*. Kazan', 2017, vol. 1, pp. 336–377.
- Flerov V.S. *Fortifikatsiia Khazarского kaganata na Nizhnem Donu. Semikarakorskoe gorodishche*. Moskva: Izdatel'skii dom IaSK Publ., 2020, 376 p.
- Khodzhaiov T.K., Shvetsov M.L., Khodzhaiova G.K., Frizen S.Iu. Naselenie Podontsov'ia epokhi Zolotoi Ordy (po materialam mogil'nikov u s. Maiaki). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2012, vol. 11: Zolotoordynskoe vremia, pp. 125–192.
- Khoruzha M.V. Pokhovannia v dromosi katakomb Verkh'n'osaltivs'kogo mogil'nika. *Arkheologiya*. 2014, vol. 2, pp. 99–109.
- Khoruzhaia M.V. Popytka interpretatsii pogrebenii v dromosakh katakombnykh zakhronenii Verkhne-Saltovskogo mogil'nika. *Razuvaev V.D. (Ed.). Vostochnoevropeiskie drevnosti*. Voronezh: IPTs «Nauchnaia kniga» Publ., 2012, pp. 219–230 (Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeia im. I. N. Kramskogo, vol. 2).
- Chebotaenko G.F. Raskopki na poselenii u s. Moleshty Kutuzovskogo raiona. *Dergachev V.A., Borziak I.A. (Ed.). Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1979–1980 gg.* Kishinev: Shtiintsa Publ., 1983, pp. 183–192.
- Chkhaidze V.N. Srednevekovoe sel'skoe poselenie na gorodishche Kepy. *Drevnosti Bospora*. Moskva, 2006, vol. 10, pp. 487–517.
- Chkhaidze V.N. *Tamarkha. Rannesrednevekovi gorod na Tamanskom poluostrove*. Moskva: TAUS Publ., 2008, 329 p.
- Chkhaidze V.N. *Fanagoriia v VI–X vekakh*. Moskva: Triumf print Publ., 2012, 590 p.
- Shishlov A.V., Kolpakova A.V., Fedorenko N.V. Osobennosti pogrebal'nogo obriada plemen pribrezhnyi zony Severo-Zapadnogo Kavkaza v XII–XIII vv. (Po materialam kurgannogo mogil'nika «Kedrovaia roshcha»). *Malakhov N.V. (Ed.). LEPTON. Sbornik statei v chest' arkheologa Alekseia Vasil'evicha P'iankova*. Armavir-Krasnodar: Izdatel' V. E. Shurygin Publ., 2018, pp. 61–71.
- Iakimenko E.V. Issledovaniia Voronezhskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia na Ol'shanskom arkheologicheskom komplekse saltovo-maiatskoi kul'tury v 1988–1992 gg. *Trudy Voronezhskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia*. Voronezh, 1994, vol. 2, pp. 51–66.
- Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoii Tavriki*. Leningrad: Nauka Publ., 1979, 164 p.
- Komar O. Archaeological and Archaeomagnetic Dating of Early Medieval Kantsyrka Type Pottery. *Archaeologia Bulgarica*. Sofia, 2018, vol. XXII, № 3, pp. 39–70.

Резюме

В 2010–2011 гг. экспедиция ООО «Южно-Российский центр археологических исследований» дважды провела раскопки центральной части раннесредневекового поселения Варнавинское-3, расположенного на правом берегу р. Сухой Аушедз (левый приток р. Кубань) в Абинском районе Краснодарского края. В пределах раскопа I были обнаружены многочисленные хозяйственные ямы и две гончарные печи. Жилых построек зафиксировано не было. Предварительно этот участок поселения датирован VII–VIII (IX) вв., при этом верхняя хронологическая граница нуждается в уточнении дальнейшими раскопками. Что касается гончарных печей, они относятся к классу печей с вертикальным ходом горячих газов (класс 1 по А. А. Бобринскому), а по особенностям движения газов в топочном блоке – к подклассу 2 – с периферийной топкой, вынесенной за пределы пространства, расположенного под теплопроводно-распределительным блоком. На Северном Кавказе и Предкавказье такие же по конструкции печи обнаружены пока только на поселении у станицы Змейской в Северной Осетии. М. А. Бакушев датировал их VII – началом VIII в. За пределами кавказского региона такие же печи раскопаны в балке Канцерка в Поднепровье. Датируются они второй половиной VII – началом VIII в. и, по мнению большинства исследователей, были оставлены переселившейся с Северного Кавказа группой алан. Еще две печи с опорным центральным столбом открыты у юго-западной стены Саркельского городища, но они относятся к более позднему периоду. Остальные, открытые на Северном Кавказе и в Предкавказье гончарные печи относятся к бесстолбовой конструкции топочного блока и в основной массе датируются VIII–IX вв. Что касается продукции гончарных мастерских поселения Варнавинское-3, в последнюю загрузку их печей попали сероглиняные лощеные сосуды – трехручные кувшины, трехручные кувшины-пифосы и пифос. Обе печи, отнесенные нами ко второму строительному горизонту, могут быть предварительно датированы в пределах второй половины (конца) VII – начала / первой половины VIII в.

Ключевые слова: река Кубань, Кавказ, поселение Варнавинское-3, гончарная печь, лощеная керамика, аланы, салтово-маяцкая культура.

Summary

In 2010 – 2011 the expedition of the South Russian Center for Archaeological Research explored the central part of the early medieval settlement of Varnavinskoye-3, located on the right bank of the Sukhoi Aushedz River (left tributary of the Kuban River) in the Abinsky district of Krasnodar region with two excavations. Numerous utility pits and two pottery kilns were found within Excavation I. No residential buildings were recorded. Previously, this section of the settlement is dated to the VII–VIII (IX) centuries, while the upper chronological boundary needs to be clarified by further excavations. As for pottery furnaces, they belong to the class of furnaces with a vertical course of hot gases (class 1 according to A. A. Bobrinsky), and according to the peculiarities of the movement of gases in the furnace block, they belong to subclass 2 – with a peripheral furnace placed outside the space located under the heat–conducting distribution block. In the North Caucasus and the Pre-Caucasus, similar furnaces have been found so far only at the settlement near the village of Zmeyskaya in North Ossetia. M. A. Bakushev dated them to the VII - beginning of the VIII centuries. Outside the Caucasus region, the same furnaces were excavated in the Kanzerka beam

in the Dnieper region. They date from the second half of the VII – beginning of the VIII centuries and, according to most researchers, were left by a group of Alans who migrated from the North Caucasus. Two more furnaces with a supporting central pillar were opened at the southwestern wall of the Sarkel settlement, but they belong to a later period. The rest, discovered in the North Caucasus and in the Pre-Caucasus, pottery furnaces belong to the column-free design of the furnace block and, in the bulk, date back to the VIII–IX centuries. As for the products of the pottery workshops of the settlement of Varnavinskoye-3, the last loading of their furnaces included gray clay polished vessels – three-handed pitchers, three-handed pitchers-pythos and pythos. Both furnaces, assigned by us to the second construction horizon, can be tentatively dated within the second half (end) of the VII – beginning / first half of the VIII centuries.

Key words: Kuban River, Caucasus, Varnavinskoe-3 settlement, pottery kiln, polished ceramics, Alans, Saltovo-Mayak culture.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кононов Валерий Юрьевич – научный сотрудник
ООО «Крымский региональный
центр археологических исследований»,
г. Керчь Республика Крым, РФ.
kononov1978@mail.ru

Пonomarev Леонид Юрьевич, научный сотрудник
Центра археологических исследований
БФ «Деметра», г. Керчь, Республика Крым, РФ.
l_ponomarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kononov Valery Yurievich – Researcher,
LLC «Crimean Regional Center
for Archaeological Research»,
Kerch, Republic of Crimea, Russian Federation.
kononov1978@mail.ru

Leonid Yuryevich Ponomarev, Researcher
the Center for Archaeological Research
of the Demeter Foundation,
Kerch, Republic of Crimea, Russian Federation.
l_ponomarev@mail.ru

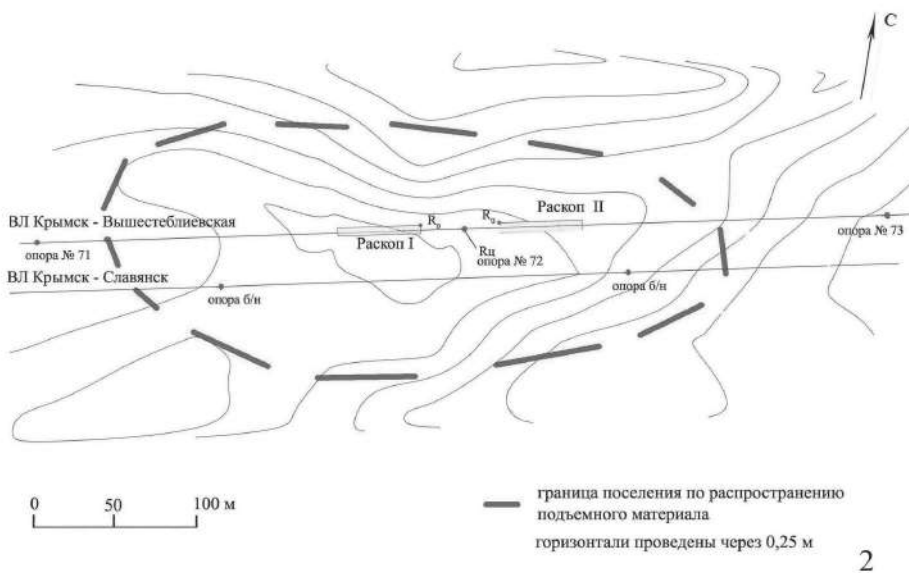
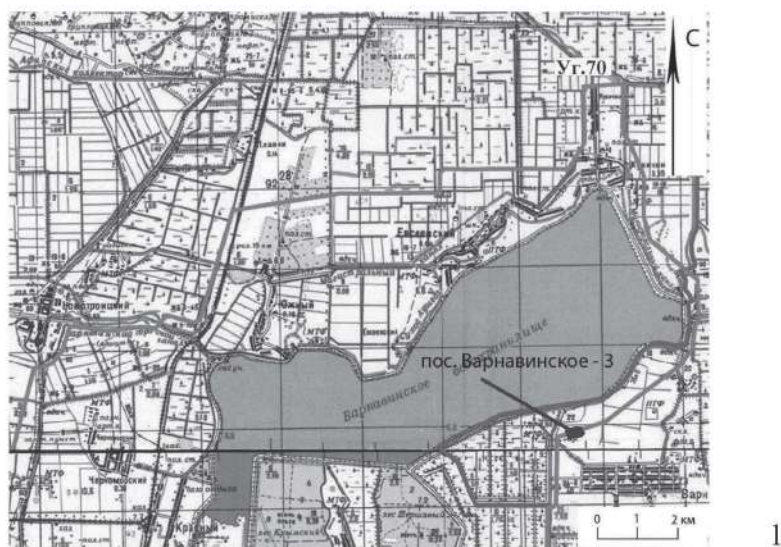
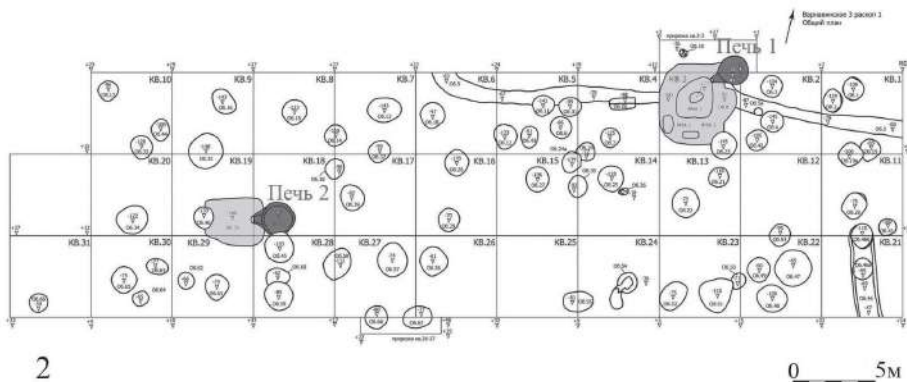

Рис. 1. 1 – месторасположение поселения Варнавинское-3; 2 – границы поселения, границы трассы «ВЛ 220 кВ Крымская – Вышестеблиевская» и «ВЛ 220 кВ Славянская – Крымская 2» и местоположение раскопов I, II.

1

2

3

Рис. 2. 1 – раскоп I. Вид с востока; 2 – раскоп I. План; 3 – стратиграфия северного борта раскопа I.

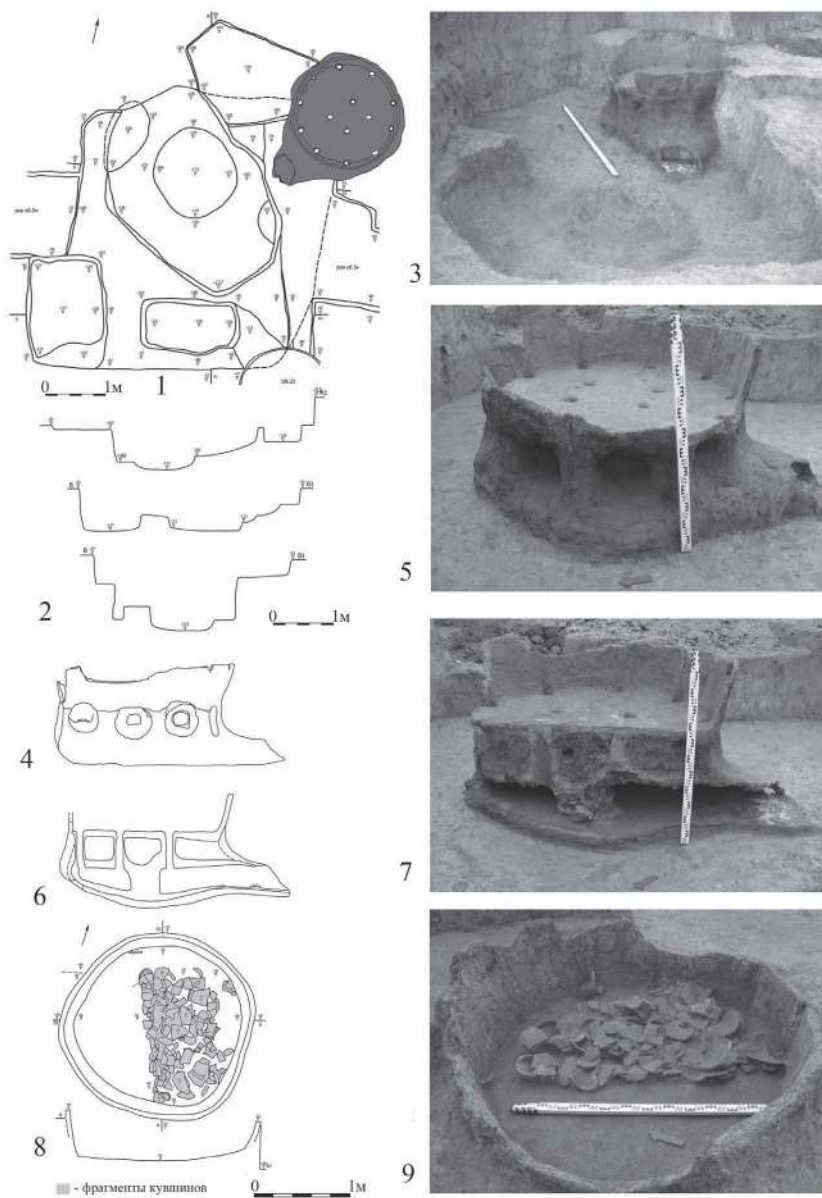

Рис. 3. Гончарный комплекс (котлован рабочей площадки с предгорновой ямой) и печь № 1. 1 – план; 2 – разрезы; 3 – вид комплекса с юга; 4 – печь, вид с запада; 5 – печь, вид с запада; 6 – печь, разрез по линии север – юг; 7 – печь в разрезе. Вид с северо-запада; 8 – загрузочная камера печи, план и разрез; 9 – загрузочная камера печи с остатками продукции. Вид с юго-запада.

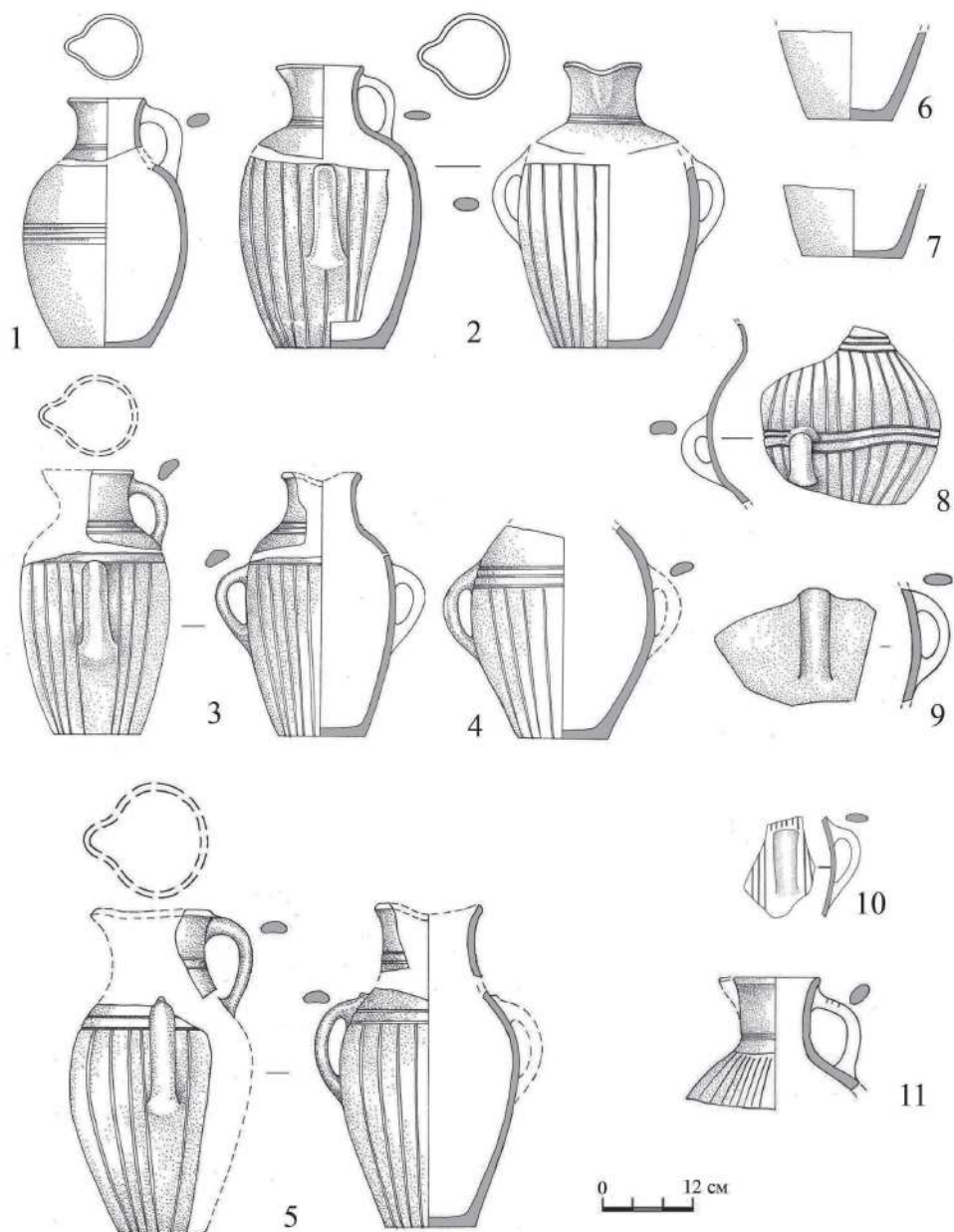

Рис. 4. 1–10 – лощеные сосуды из загрузочной камеры печи № 1; 11 – лощеный кувшин, найденный к северу от печи.

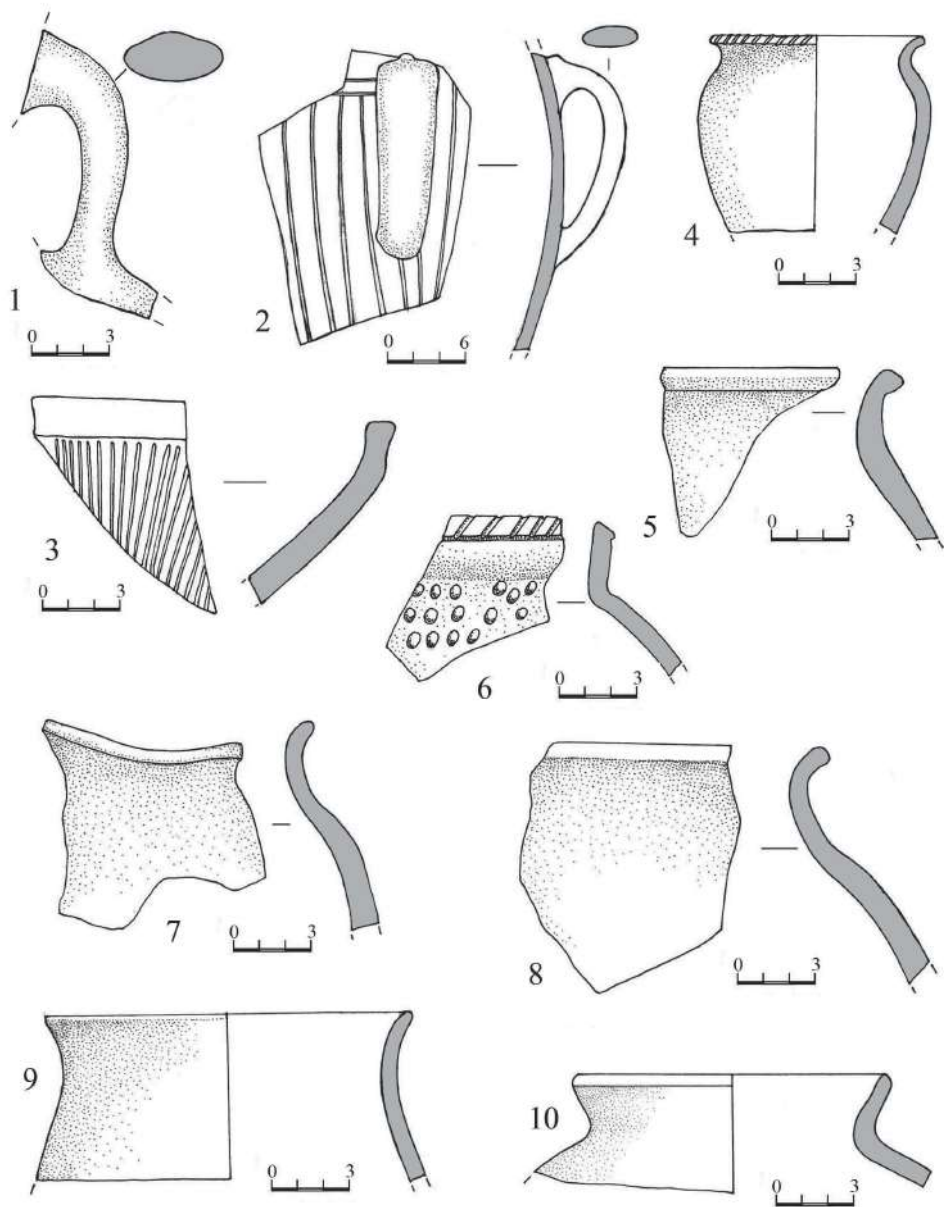

Рис. 5. Керамика из котлована рабочей площадки и предгорновой ямы № 1 гончарного комплекса № 1.

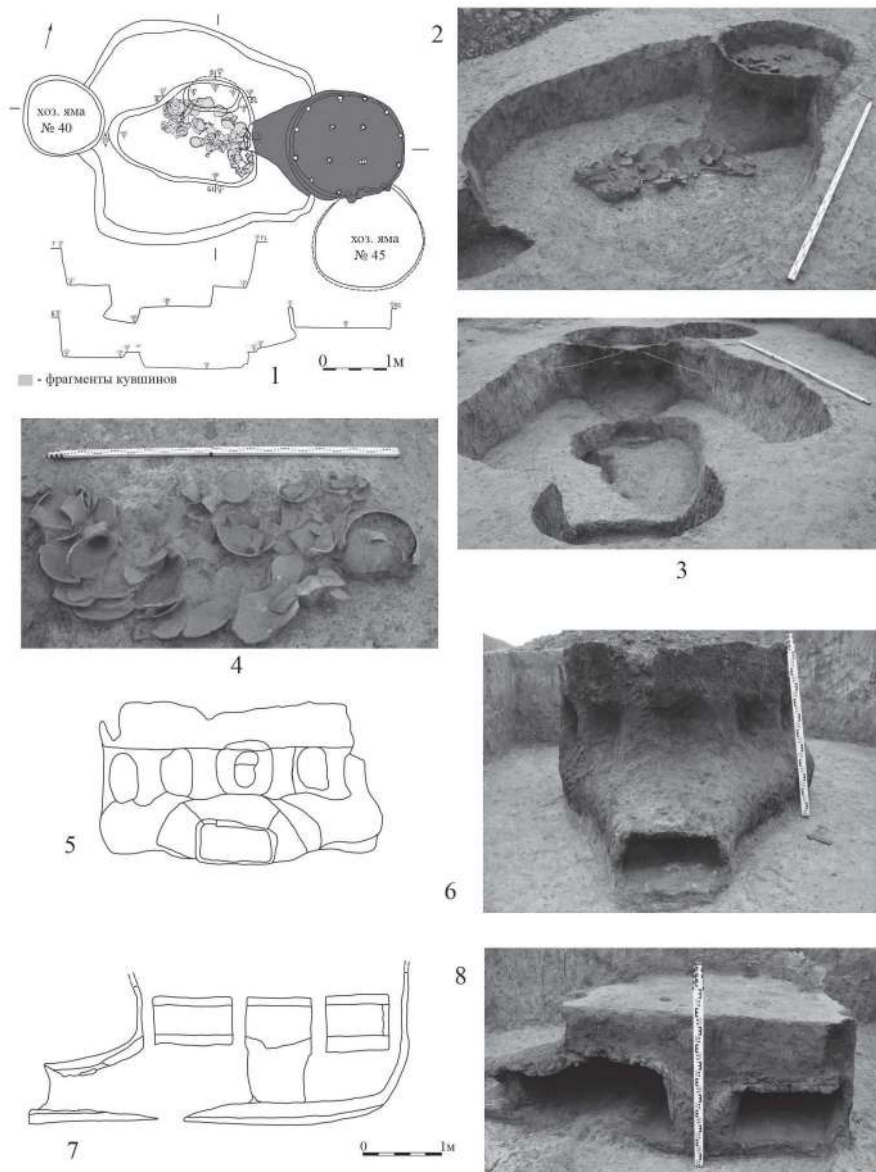

Рис. 6. Гончарный комплекс (котлован рабочей площадки с предгорновой ямой) и печь № 2. 1 – план и разрезы в комплексе; 2 – вид с юго-запада на уровне скопления фрагментов лощенной керамики (последней загрузки печи); 3 – вид комплекса с запада; 4 – скопление фрагментов лощенной керамики (последней загрузки печи); 5 – печь, вид с юго-запада; 6 – печь, вид с юго-запада; 7 – разрез печи по линии запад – восток; 8 – разрез печи по линии запад – восток, вид с юга.

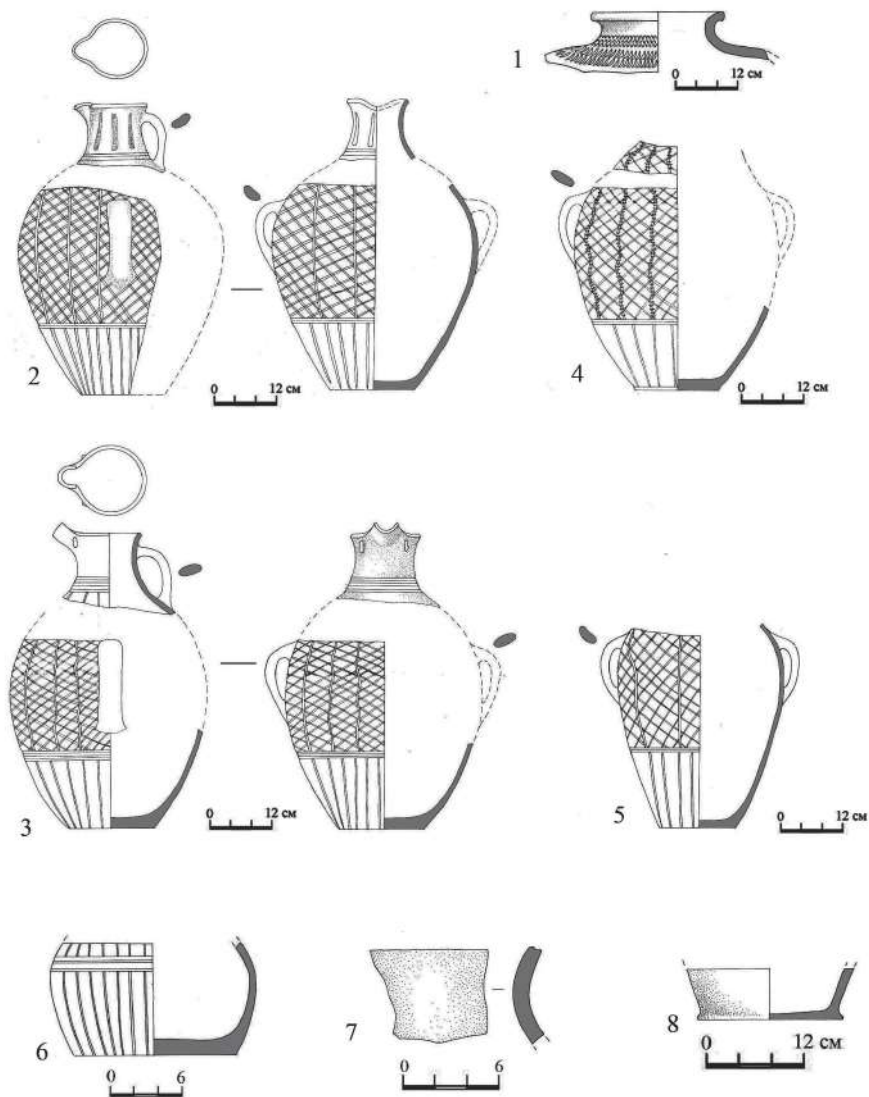

Рис. 7. 1. – лощеный сосуд из загрузочной камеры печи № 2; 2–6 – лощеные сосуды из придонной части котлована гончарного комплекса № 2; 7–8 – лепные горшки из придонной части котлована гончарного комплекса № 2.